

Марианна Сорвина

ЗАБЫТОЕ УБИЙСТВО

Исторический детектив

Die Straßenkämpfe in Innsbruck.

Марианна Сорвина
Забытое убийство

Издательский дом «Сказочная дорога»

2013

Сорвина М. Ю.

Забывтое убийство / М. Ю. Сорвина — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2013

ISBN 978-5-4329-0019-7

В основе исторического детектива – реальные события, произошедшие в Инсбруке в ноябре 1904 года. Всего один день и одна жертва! Но случившееся там получило широкий резонанс. Мы вглядываемся в эту трагедию из дня нынешнего и понимаем, что мир тогда вступал в совершенно иную эпоху – в драматичный и жертвенный XX век, в войнах которого погибли миллионы. Инсбрукские события, по мнению автора, стали «симптомом всего, что произошло позднее и продолжает происходить до сих пор». Вот почему «Чёрная пятница Инсбрука», столь детально описанная, вызывает у читателя неподдельный интерес и размышления о судьбах мира.

ISBN 978-5-4329-0019-7

© Сорвина М. Ю., 2013
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2013

Содержание

Забывтое убийство	6
Часть 1. В парламенте и вокруг него	9
1.1. «Это же революция!»	9
1.2. «Элегантный “терезианец”»	17
1.3. Изворотливый хитрец	19
1.4. Потомственный дипломат	24
1.5. Железнодорожник	25
1.6. «Бюрократический талант»	26
1.7. Австро-венгерские переговоры	28
Часть 2. Тироль на фоне кризиса	30
2.1. Злополучный университетский вопрос	34
2.2. Ирредента	40
2.3. «Paese grande»[115]	44
2.4. Позиционная борьба	56
2.5. Политический экстремизм	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марина Сорвина

Забывтое убийство

© Сорвина М. Ю., 2013

© Издательский дом «Сказочная дорога», 2013

Забывтое убийство

Этой поразительной и темной истории, получившей итальянское название «Fatti di Innsbruck»¹, были посвящены исторические конференции, статьи в сборниках, газетные публикации и даже такие оригинальные жанровые образования, как памятные открытки, пропагандистские плакаты, листовки, героические песни, поэмы и мадригалы.

Значение того, что произошло в Инсбруке ноябрьской ночью 1904 года, трудно переоценить. По-своему эти трагические события открыли ворота в XX век и в совершенно новую эпоху ценностей и межличностных отношений.

Принято считать, что глобальная трансформация мира началась с Первой мировой войны, и это справедливо. Всем, конечно, памятна мысль Ремарка о том, что «смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика». Посвящена эта мысль именно той эпохе, которую хорошо знал немецкий писатель, – эпохе «седых мальчиков», ушедших на фронт и вернувшихся с обожженными легкими и утраченными надеждами, то есть Первой мировой войне, превратившей трагедию в массовое явление, а жизнь человека и даже память о нем – в пыль. Человечество перешагнуло некий порог чувствительности и восприятия, за которым начался необратимый процесс нравственной мутации. И все же хочется внести в это утверждение одну небольшую поправку.

Те события начала XX века, о которых здесь пойдет речь, перевернули мир не меньше, чем мировая война, они изменили судьбы многих людей и впоследствии, кроме уже упомянутого итальянского наименования, стали называться «Черной пятницей Инсбрука». Они развивались в течение всего одного дня – с середины дня 3 ноября до пяти утра 4-го, но уже на следующий день получили резонанс во всем мире – от Инсбрука и Вены до России, Германии и США. Статьи о том, что случилось в Тироле, появились в газетах «Die Woche», «Der Standard», «New York Tribune», «Русское слово» и других. В газете «Der Standard» от 9 ноября говорилось: «Один человек погиб, десятки ранены, 137 арестованы – таков результат столкновения между немецкими и итальянскими студентами правового факультета в ночь на 4 ноября 1904 года в Инсбруке»². «New York Tribune» писала, что «беспорядки студентов университета здесь настолько усилились и приобрели серьезный характер, что войска по приказу свыше со штыками атаковали немецких демонстрантов. В 2 часа утра немцы осаждали и разрушали отели, занимаемые итальянцами»³.

Впрочем, уже эти газетные публикации внесли немало путаницы в понимание происходящего. Так, по сообщению «Русского слова», «В Инсбруке открыт итальянский юридический факультет. Вечером итальянские студенты собрались в отеле. Огромная толпа немцев осадила его. Итальянские студенты при выходе были атакованы. Их была небольшая горсть. Все они стреляли из револьверов холостыми зарядами. Немцы били их палками. Тогда итальянцы стали стрелять пулями, причем ранили шесть человек и одного убили. Итальянцы забаррикадировались в отеле. Немцы при штурме разрушили его. Явились войска и при штыковом натиске 20 человек ранили, а художника Пеццей убили. Всю ночь господствовало возбуждение»⁴. Из этой заметки невозможно понять, сколько же в действительности было жертв и кто кого убил: сначала «итальянцы стали стрелять пулями» и «одного убили», потом войска убили художника. На самом деле, если бы все было так, как сообщает «Русское слово», задача австрийских властей, пребывавших в явном замешательстве, оказалась бы значительно проще, а «стреляв-

¹ «Fatti di Innsbruck» (итал.) – «События в Инсбруке».

² «Welsche raus!», hieß es 1904 in Innsbruck». – «Der Standard», 9.11.2004.

³ «One Killed Eighteen Wounded – Troops Charge on Students». – «New York NY Tribune», 1904, 4 Nov.

⁴ «Русское слово», 22 октября (4 ноября) 1904 года.

ших пулями» итальянцев просто сравнивали бы с землей. Но соответствовала действительности только вторая часть заметки, и это создало ситуацию, которая впоследствии многократно повторялась в разных странах с одним и тем же результатом: попыткой выдать оплошность за героическую трагедию и повернуть события в удобную для себя сторону.

К сожалению, сегодня «Fatti di Innsbruck» являются объектом рассмотрения лишь для историков, но именно эти события стали симптомом всего, что произошло позднее и продолжает происходить до сих пор. «Черная пятница» 4 ноября 1904 года была той самой трагедией, которой еще только предстояло сделаться статистикой, потому что в тот раз массовое, общественное явление, имевшее глубокие исторические, политические и культурные корни, привело к одной-единственной жертве, что уже само по себе фантастично и вызывает множество вопросов. При таком размахе уличных столкновений убитых могло быть гораздо больше. Но чтобы это происшествие действительно стало событием, надо было принести в жертву самого безобидного из всех жителей города.

Стороннему человеку причины и корни этих событий могут показаться вовсе не понятными. И больше всего вопросов вызывают то и дело появляющиеся формулировки «немцы» и «Германия» в контексте истории Тироля того времени. Австрия не Германия.

Откуда же тогда эта исступленная борьба за германизм на австрийской земле, эти призывы к «немцам», эти патетические воззвания: «Германия, вставай!»?

Однако все объясняет один факт: в искусственной и давно утратившей политический вес империи Габсбургов давно созрела тайная держава под названием «Deutsch-Österreich» – «Германская Австрия». Так неофициально именовались области, населенные этническими немцами.

Монархия Габсбургов и в итальянском ирредентизме, и в германском либерализме одинаково видела внутреннюю оппозицию. Достаточно упомянуть, что в конце 1886 года в Австрии было запрещено 215 газет, в числе которых – 60 ирредентистских и 43 немецких, социалистической направленности⁵. Также были запрещены 22 чешские газеты, выходящие в Чикаго, 22 румынские, 21 сербская, 12 польских, 10 французских, 3 русские, 1 турецкая и 1 русинская.

Германо-австрийцы, или «пангерманисты», держались за свое внутреннее – по сути, не существующее на бланках законов – немецкое государство как за последний идеал. За него они готовы были отдать деньги, здоровье, жизнь. И яркий пример тому – появившиеся в конце XIX века сатирические пангерманские газеты Тироля, такие как «Der Scherer» или «Der Tiroler Wastl». Они существовали благодаря своему успеху у читателей, но вопреки государственной системе – от одного суда до другого, от запрета до разорения. Это были националисты, бунтари и богохульники, но это были честные люди.

В этой скандальной истории по обе стороны баррикад оказалось на удивление много исключительно одаренных и ярких личностей, коллективный портрет которых доставил бы несказанное удовольствие любому историку или писателю.

* * *

Дальнейшая история Инсбрука показала, что помимо национальной проблемы в Тироле были и другие. Почти зеркальная ситуация сложилась ровно через восемь лет после «Fatti di Innsbruck». Шестого ноября 1912 года в городе начались беспорядки на религиозной почве – между студентами-католиками и представителями других конфессий. В результате случайным ударом по голове вновь был убит только один человек – Макс Гецце, двадцатитрехлетний студент медицинского факультета и активный член католического общества «A. V.

⁵ Verbottene Zeitungen in Österreich. – Innsbrucker Nachrichten. 1887, № 6. 10. Jan. S. 5.

Raeto Bavaria Innsbruck». Студента похоронили громко и с почестями, однако это событие не вызвало в прессе никакого резонанса. Иностранная печать проигнорировала эти события, и даже «Innsbrucker Nachrichten» расщедрилась всего на одну небольшую заметку на пятой полосе⁶. Причин такого равнодушия могло быть несколько. Во-первых, повторение какого-то события уже не вызывает большого интереса, во-вторых, Макс Гецце не был столь известен в Тироле, как художник Август Пеццей, в-третьих, сам конфликт, религиозный, не играл ни в Тироле, ни в Австрии настолько важную роль, как национальный.

* * *

Чем больше вглядываешься в события 1904 года из сегодняшнего дня, тем больше они напоминают спектакль. Здесь были свои «режиссеры», свои «актеры», свои «статисты». Были и «рецензенты», «театральные критики» – газетные репортеры, оценивавшие происходящее совершенно по-разному, в зависимости от характера своего издания.

Историки тоже внесли в освещение событий немало субъективного: в зависимости от того, чью сторону они занимали. Как пишут современные итальянские исследователи Джузеппе Ферранди и Мейнрад Пиццинини, «реконструкция событий 1904 года стала предметом пропаганды и спекуляции. <...> Историография тоже шла на поводу у потребностей избирательной памяти общества»⁷.

Вот почему особенно важно собрать все воедино и проанализировать заново – с учетом всех позиций и мнений. Тем более что никого из свидетелей тех событий уже нет в живых.

Но осталась история. И надгробная плита с лапидарной, избыточно скромной надписью готическим шрифтом:

Ehrengrab des August Pezzey, akadem. Maler, gest. am 4. Nov. 1904 im 30 Lebensjahre⁸.

⁶ Das Todesopfer einer Studenten-Keilerei. – Innsbrucker Nachrichten. 1912, № 258. 9.Nov. S. 5.

⁷ Giuseppe Ferrandi e Meinrad Pizzinini. Premessa // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. – Museo storico del Trentino, 2004. P. 5.

⁸ Почетная могила Августа Пеццей, академического художника, умершего 4 ноября 1904 года на тридцатом году жизни (нем.).

Часть 1. В парламенте и вокруг него

Беннинг. Вы забываете одну вещь, сэр. Мы послали вас в парламент как своего представителя; но вы не найдете и шести избирателей, которые уполномочили бы вас выступить с такой речью.

Мор. Мне очень жаль, но я не могу идти против своих убеждений... Отказаться от своих принципов, чтобы сохранить местечко в парламенте! Тогда действительно меня вправе будут называть вырождаком.

Д. Голсуорси. «Толпа»

1.1. «Это же революция!»

В марте 1897 года в Вене состоялись очередные выборы.

Число немецких депутатов сократилось до ста двадцати человек.

До этого преимуществами немцев были недовольны славяне, теперь наступил черед титульной нации, оставшейся в меньшинстве. К тому же титульной нацией немцы в Австрии того времени не были. В этом государстве сложилось особое положение.

– Мы рискуем получить плюху от немцев, – сказал один из министров.

– Чепуха! Здесь всегда будет кто-то недовольный, – ответил новый глава кабинета поляк Бадени, настроенный еще вполне оптимистично.

Перед обновленным парламентом стояла важная задача – осуществление соглашения с Венгрией. Забегая вперед, стоит добавить, что достигнуто оно будет лишь через несколько лет.

Граф **Казимир Феликс Бадени** (14 октября 1846–9 июля 1909) был юристом и политиком со стажем – доктором права Краковского университета, автором нескольких политологических сочинений конца 60-х годов XIX века. Австрийский государственный деятель с 1888 года и наместник Галиции, он в 1895 году, сразу после отставки Эриха фон Кильмансегга⁹, составил кабинет, став в нем министром внутренних дел.

В своей программе для рейхсрата Бадени обещал «внимательное отношение правительства ко всем законным и справедливым требованиям национальностей, при условии сохранения уважения к освященному долголетней традицией передовому положению немецкой культуры, издавна несущей свет другим народам». Программа понравилась немцам, но славяне и поляки были недовольны, не догадываясь, что со стороны министр-президента это всего лишь временная уступка. Свою министерскую деятельность Бадени начал снятием осадного положения с Праги. В 1896 году он провел реформу избирательного права, создав «курию всеобщего голосования».

При выборах 1897 года в правительстве началось грубое давление на избирателей, что не способствовало популярности нового кабинета. Но, несмотря на давление, славяне оказались в рейхсрате очень сильны, и Бадени решил действовать, подстроившись под настроения славянской части парламента. Это было вполне логично для поляка Бадени, он рассчитывал и на свое происхождение, и на умение балансировать, находить компромисс. Но ко всем прочим сложностям 1897 года добавился политический кризис, связанный с попыткой правительства Бадени ввести новый закон о языках, обязывавший государственных служащих в землях со

⁹ Эрих фон Кильмансегг (13 февраля 1847–5 февраля 1923) – премьер-министр Цислейтании с 1895 года.

смешанным немецко-славянским населением (прежде всего в Богемии) владеть обоими языками. Проект, появившийся на свет 5 апреля 1897 года, вызвал резкое неприятие немецких националистических кругов, поскольку через несколько лет невинные на первый взгляд распоряжения о языках должны были полностью вытеснить немецких чиновников из Богемии и Моравии.

Бадени опирался на славянское большинство, и это была шаткая позиция. Сателлиты Бадени затеяли даже кампанию по созданию новой проправительственной партии, чтобы агитацией и давлением на других депутатов помочь своему лидеру и поддержать чешско-польских клерикалов.

Тирольский политик Карл Грабмайр, вошедший в 1897 году в состав Верховного совета от земельной палаты, вспоминал, что сторонники Бадени давили и на него. Сам Грабмайр предстает в этой и прочих ситуациях как убежденный австроцентрист от партии тирольских землевладельцев, стремящийся к любым компромиссам и переговорам, если они возможны. Эта политическая фигура достаточно интересна хотя бы уже потому, что речь здесь идет об исключительном политическом долголетии: он продержался в парламенте несколько десятилетий.

По призванию Грабмайр оказался весьма красноречивым оратором, чем очень гордился. Его дипломатичные, искусно составленные речи заставляют вспомнить образцы римской риторики. Думается, именно за это, а вовсе не за какие-то дельные предложения (едва ли в то время такие предложения были возможны), его и выбирали в различные фракции и комиссии.

Грабмайр успел узнать и неприязнь со стороны разных политических групп и отдельных лиц. Он вспоминал позднее о событиях 1899 года: «Немецкий клуб избирателей в Инсбруке единогласно решил требовать моего исключения из Национального избирательного комитета, в противном случае произойдет массовая отставка всех представителей националистической фракции. “Он или мы”, – заявили эти решительно настроенные мужчины»¹⁰.

Но и тогда ничего не произошло: судьба хранила Грабмайра. Он обладал достаточным умом и дальновидностью, поэтому никогда не стремился подняться на самый верх и сделать карьеру при отдельных «кабинетах». К тому же тирольский представитель очень тонко чувствовал любые изменения политического климата и всегда успевал вовремя это использовать. Оставленные им записки, статьи и мемуары по-своему бесценны для истории.

Грабмайр утверждал, что в случае игры на стороне чешско-польских обструкционистов «между земельным клубом Тироля и немецкой либеральной оппозицией возникнет большая трещина, которая вскоре превратится в непреодолимую пропасть»¹¹. Он стал формировать в парламенте «Ассоциацию крупных землевладельцев», чтобы добиться крепкого политического и экономического лобби для Тироля и Цислейтании в целом. В инициативную группу входили Бернрайтер, Швегель, Людвигсторф, Дубски. Во главе оказался триумвират – Бернрайтер, сам Грабмайр и будущий министр-президент страны граф Штюрк¹².

Эта партия землевладельцев оказалась, по словам Грабмайра, «весьма гетерогенной – от высококультурных старых либералов до ярко выраженных клерикалов»¹³. Это, однако, не повлияло на ее работоспособность, и депутатам удавалось убедить других. Но едва ли их деятельность могла спасти тонущий корабль многонациональной империи.

Да и Казимиру Бадени это уже не помогло. Он из последних сил изыскивал способы обеспечения себя поддержкой парламента. Не слишком опасаясь немцев, Бадени попытался привлечь на свою сторону чехов.

¹⁰ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920. Innsbruck, Universitätsverlag Wagner, 1955. S. 68.

¹¹ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920. Innsbruck, Universitätsverlag Wagner, 1955. S. 45.

¹² **Карл фон Штюрк** (Karl von Sturgkh) (1859–1916), граф, в 1911–1916 годах – глава австрийского правительства.

¹³ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers... S. 44.

Но немецкая правая оппозиция (то самое «государство в государстве» – Германская Австрия, о которой говорилось выше) оказалась отнюдь не такой слабой, как думал Бадени. Ее многие поддерживали, в том числе приобретавшее все большую политическую активность немецкоязычное население, окрыленное национальной идеей.

– Габсбурги превратили империю в мельницу богов, – язвительно заметил эрцгерцог Ойген. – И теперь бедный Бадени вертится между ее жерновами. Но и его перемелют.

Критическое отношение Ойгена Австрийского к нынешней империи было известно. Он, продолжая всю жизнь оставаться убежденным монархистом, тем не менее считал, что именно Габсбурги, члены его семьи, развалили империю, которая в таком «лоскутном», «меланжированном» состоянии испытывает кризис и доживает последние дни. Существовало вполне обоснованное мнение, что эрцгерцог едва ли талантлив как военный (за него все делали хорошо подобранные адъютанты), но человек определенно неглупый: даже противоречия в его взглядах были обусловлены реальной обстановкой в обществе.

Лидером немецких националистов в это время был скандально известный депутат Георг Шёнерер.

Георг Риттер фон Шёнерер (17 июля 1842–14 августа 1921), сын владельца железных дорог и крупный землевладелец, отличался большой жизненной активностью и буйным нравом. Он был избран в парламент Цислейтании в 1873 году как представитель либералов и сразу заявил о себе яркими выступлениями и бунтарскими выходками. С либеральной партией он порвал через три года, чтобы провозгласить себя главным немецким националистом страны. Шёнерер агитировал против власти Габсбургов, которые, по его словам, предали интересы Германии. А также – против «еврейского» капитализма, католицизма, римской церкви, законодательства и многого другого в австрийской монархии. Его лозунг «Los von Rom!» («Долой Рим!») стал девизом антиклерикалов. Это было движение, выступавшее за выход из Римско-католической церкви. Шёнерер ратовал за переход в лютеранский протестантизм. Правда, историк Бёше пишет, что лозунг «Los von Rom!» придумал вовсе не Шёнерер, а пара венских студентов медицинского факультета – Франц Фёдиш и Теодор Георг Ракус из общества «Philadelphia Wien»¹⁴. Но так ли уж важно, кто был инициатором, когда все решали поступки и резонанс. Тем более что Шёнерер является лишь косвенным участником тирольской истории 1904 года – далеким символом столичного пангерманизма и защитой газеты «Der Scherer» от цензуры. Быть защитником ему нравилось не меньше, чем стучать по столу в парламенте и кидаться стульями в спикера. Для народа он был популистом и своим работникам создал достойную жизнь. Отрицая габсбургский патриотизм, Шёнерер провозглашал: «Право народа разрушает право государства». Крестьяне из угодий Шёнерера обожали его в той же мере, в какой ненавидели спикеры парламента, которым он срывал заседания.

С самого начала политическое и ораторское дарование Шёнерера получило отклик у национал-либералов, мечтавших создать единую немецкую державу еще с 1848 года, когда в Вене потерпела неудачу революция. Шёнерер стал их надеждой и реваншем. В 1882 году он со своими более умеренными сторонниками германистом Генрихом Фридьонгом¹⁵ и социалистом Виктором Адлером¹⁶ разработал программу автономизации немецкоязычных земель, которая заинтересовала не только немецких националистов, но и польских, венгерских, хорватских. Вокруг него начал формироваться круг сторонников (таких, как Вольф) и последова-

¹⁴ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 129.

¹⁵ **Генрих Фридьонг** (Heinrich Friedjung) (8 января 1851–14 июля 1920) – историк и политик, преподаватель истории и немецкого языка в Коммерческой академии.

¹⁶ **Виктор Адлер** (Victor Adler) (24 июня 1852–11 ноября 1918) – лидер австрийской социалистической партии. В 1916 году его сын-террорист застрелит премьер-министра фон Штюка.

телей (как пангерманисты из Тироля). Программа Шёнерера стала основой для формирования студенческих ассоциаций.

Сам он был членом многих обществ и братств – «Germania Innsbruck» (1893), «Teutonia Wien» (1893), «Gothia Wien» (1919).

С Адлером и Фридьонгом Шёнерер порвал из-за еврейского вопроса. Все пангерманисты страны обычно испытывали расхождения в этом вопросе.

В начале марта 1888 года Шёнерер прочитал в газете «Neuen Wiener Tagblattes» («Новый венский ежедневный листок») сообщение о смерти императора Вильгельма I и распереживался настолько, что организовал в ресторане поминальный вечер для своих сторонников. Там он лил слезы и произносил траурные речи, пока внезапно не выяснилось, что эта публикация была газетной «уткой». В гневе Шёнерер явился в газету с угрозами и был арестован за хулиганство. Суд выглядел противоречиво и нелепо, свидетели путались в показаниях. Сам скандальный депутат утверждал, что намеревался всего лишь добиться правды от газетчиков. Сотрудники газеты показали в суде, что он кричал: «День мщения настал!» и запер дверь, угрожая им палкой. Свидетели, поддержавшие газетчиков, утверждали, что он нападал с кулаками на двух редакторов и кричал. Девятнадцать свидетелей самого обвиняемого заявили, что все было иначе. Ситуация осложнилась еще и тем, что по закону парламент должен был лишить Шёнерера депутатской неприкосновенности, но парламентарии поначалу не могли решить этот вопрос. В конце концов Шёнерера сдали правосудию, и он был приговорен к четырехмесячному заключению, пятилетнему отлучению от парламентской деятельности и выплате крупного штрафа.

Вся эта история только добавила ему популярности в немецкой среде, и Шёнерер, лишенный прав на государственную деятельность, посвятил себя общественной – то есть формированию пангерманского движения. Потом он вновь прошел в парламент, где успешно провоцировал срывы заседаний и обструкции по вопросу о языках. Однако из-за своего поведения он лишился доверия власти и не был переизбран в Имперский Совет.

Своим главным политическим конкурентом он считал бургомистра Вены Карла Люгера, главу Христианско-социальной партии и новатора в области церковной системы. Поначалу Шёнерер едва не сделался сторонником бургомистра-антисемита, но потом размежевался с ним из-за религиозных взглядов. Позднее большинство сторонников Шёнерера покинули его, чтобы примкнуть к Люгеру.

После 1907 года Шёнерер стал политическим изгоем, он лишился даже своего наследственного дворянского титула, полученного от отца.

Незадолго до смерти, в 1917 году, он был амнистирован императором.

В начале XX века Шёнерер во многом способствовал изгнанию министр-президента Бадени: он организовал акции протеста, которые привели императора к решению отправить Бадени в отставку.

Вскоре, на выборах 1901 года, более двадцати членов партии Шёнерера получили места в парламенте, что свидетельствовало об усилении немецкого национального сопротивления правительству.

Как только открылась сессия, «прогрессисты» (члены немецкой Прогрессивной партии) выразили протест против распоряжений Бадени.

После пасхальных каникул вновь началась обструкция, и на несколько месяцев деятельность парламента оказалась парализованной стычками в зале заседаний. 6 апреля 1897 года сессия была окончательно сорвана.

Немецкие партии открыто потребовали суда над Бадени и его сторонниками.

Это привело к бурным сценам и драке возле трибуны, учиненной сторонниками Шёнерера и его молодого соратника Вольфа.

Был отдан приказ выводить из зала этих депутатов, как только немцы опять взбунтуются.

Такую новую форму парламентаризма стенографист Густав Кольмер назвал «моралью варваров», и его слова сразу стали метафорой¹⁷.

Когда осенью сессия возобновилась, на первом же заседании немецкий депутат Карл Вольф¹⁸ бросил в лицо Бадени оскорбление: «Polnische Schufterei!» («Польский мошенник!»). Министр-президент потребовал сатисфакции.

25 сентября 1897 года Бадени дрался на дуэли с оскорбившим его Вольфом. Премьер был ранен в предплечье, а Вольф снискал еще большую популярность и превратился в героя оппозиции. Столкновение Бадени с Вольфом было далеко не единственным. Поединки между членами фракций и братств начали входить в моду. Парламент раздирали противоречия, и это вылилось не только в драки на заседаниях, но и в ряд дуэлей, которые историки впоследствии назовут характерной приметой кризиса парламентаризма на заре XX века – «попыткой в поединке чести закрепить свой классовый статус»¹⁹. Вольф не зря выглядел победителем. Его дуэль с премьером имела вполне ощутимые последствия, поскольку в ней многие увидели кризис правления Бадени и кризис парламентаризма в целом.

Тандем Георга Шёнерера и Карла Вольфа был очень прочным, и они никогда не расходились во взглядах, но позднее утраченное Шёнерером политическое пространство немецкой оппозиции досталось Вольфу, который в конце XIX века лишь поднимался на вершину своей популярности.

После этой театрально-политической дуэли парламент, выпустив пар, полмесяца спокойно занимался текущими делами, но в середине октября там снова началась обструкция.

В ноябре президент палаты депутатов Абрагамович²⁰ ввел новый регламент, но это лишь обострило отношения. Члены парламента кидались друг в друга указами и постановлениями, по залу летали бумаги, опять доходило до рукопашной. В парламенте развернулась война.

25 ноября 1898 года пангерманисты отламывали от стульев ножки и подлокотники и штурмовали трибуну. На следующий день, 26 ноября, около четырехсот студентов-пангерманистов собрались возле здания парламента на Рингштрассе и устроили митинг с воинственными речами и выкриками. После полудня волнения охватили весь город, где начались столкновения полиции с демонстрантами.

У всех присутствовала символика Шёнерера – красные гвоздики и васильки на одежде. Пели они любимую песню пангерманского лидера «Стража на Рейне». Некоторые затягивали рабочие песни, выкрикивали антиправительственные лозунги. Полиция разгоняла их, орудуя дубинками, и арестовала около сорока человек.

27 ноября, в субботу, вновь состоялось заседание Имперского парламента, которое открыл Давид Абрагамович. Но сказать он ничего не успел, потому что начался ужасный шум.

В этот раз к немецким националистам присоединились депутаты из Христианской партии. Дело дошло того, что на трибуне и рядом с ней разворачивались, по словам историка Андреаса Бёше, «жуткие сцены» и звучали «ужасные речи». В них преимущественно упоминался всемогущий директор парламентской канцелярии Генрих Риттер фон Хальбан из рода Блюменштоков, в котором пангерманисты видели инициатора последних репрессий в Галиции.

¹⁷ Michael Gehler. Il contesto politico della monarchia asburgica nel 1904... P. 22.

¹⁸ **Карл Герман Вольф** (27 января 1862–11 июня 1941) – известный политик и журналист, один из авторов пангерманской идеи. Боролся за права немцев в славянских областях Австро-Венгрии, входил в парламентскую оппозицию 1897 года. Основал в 1890 году националистическую газету «Deutschnationale Zeitung» и журнал «Восточногерманское обозрение» («Ostdeutsche Rundschau»).

¹⁹ Michael Gehler. Il contesto politico della monarchia asburgica nel 1904... P. 14.

²⁰ **Давид Абрагамович** (David Abrahamowicz) (30 июня 1839–24 декабря 1926) – богатый землевладелец из Галиции польского происхождения, с 1875 года – австрийский политик. С 1881 года – депутат рейхсрата, а с 1897-го – его президент. Поддерживал линию Бадени.

Генрих Хальбан (1846–1902) был одним из двух сыновей краковского профессора-офтальмолога Лео Блюменштока. Он, в отличие от отца, уже носил фамилию Хальбан и учился на юридическом факультете, занимаясь журналистикой. Политическая карьера Хальбана началась с принятия христианства, которое стало для него синонимом обретения социального статуса. Его женой была сестра лидера социалистов Виктора Адлера и, соответственно, – тетка печально известного террориста Фридриха Адлера.

Польское происхождение Хальбана позволило ему сделать превосходную карьеру при польских министр-президентах. Когда в 1870 году главой правительства стал Потоцкий, он назначил Хальбана сотрудником канцелярии, где тот занимался составлением правительственных документов, направленных на польское господство. Наибольшую известность Хальбан получил в 1879 году с приходом к власти правительства графа Тааффе²¹, который в 1885 году сделал его надворным советником. Годом позже Тааффе назначил его начальником главной канцелярии парламента. Таким образом, Хальбану были доверены все решения, связанные с парламентскими партиями, в том числе и силовые. Именно тогда с подачи Тааффе имя начальника канцелярии было облагоуорожено титулом «Риттер фон Хальбан», дабы о фамилии Блюменшток никто не вспоминал. Но и это еще не было вершиной его карьеры: Хальбан сделался поистине всемогущей фигурой, когда министр-президентом Цислейтании стал его земляк из Галиции граф Бадени. С 1895 года Хальбан принимал все исполнительные решения, в том числе о подавлении восстаний в отдельных областях страны, поэтому нажил много врагов. Происхождение Хальбана способствовало обострению ксенофобских настроений в парламенте. С отставкой Бадени Хальбан утратил свое могущество и ушел из политики.

Ужасные речи, произносимые в стенах высшего законодательного учреждения империи, выглядели в те консервативные времена конца XIX века действительно невероятно.

Депутат Шнайдер. Пусть еврей Блюменшток убирается отсюда! Он должен уйти!

Председательствующий (*хладнокровно*). Слово для разъяснения я предоставляю графу Штюрку.

Громкие крики возмущения, в зале шум и свист.

Депутат Шнайдер²². Еврей Блюменшток – вон!

Депутат доктор Лехер²³ (*Председательствующему*). Ублюдок! Подлец! Подлец!

Депутат доктор Ярошевич²⁴ (*Председательствующему*). Вы некомпетентны!

Депутат доктор Гросс²⁵. Предатель!

Депутат Глэкнер²⁶ (*Председательствующему*). Вызовите полицию!

Депутат Ярошевич. Кровь галицийских крестьян на ваших руках!

Депутат Билолавек²⁷. Долой Блюменштока!

Депутат Кинман²⁸. Конечно! Это Хальбан отдал приказ, пора его остановить.

На ступенях лестницы в конце зала появляется министр-президент граф **Бадени**.

²¹ **Эдуард Тааффе** (Eduard Graf Taaffe) (24 февраля 1833–29 ноября 1895) – политический деятель Австро-Венгрии, по происхождению ирландец.

²² Эрнст Шнайдер – депутат от Нижней Австрии (Венский муниципалитет).

²³ Отто Лехер – депутат от Моравии (муниципальный совет).

²⁴ Роман Ярошевич – депутат от Галиции (сообщество избирателей).

²⁵ Густав Гросс – депутат от Моравии (муниципальный совет).

²⁶ Адольф Глэкнер – депутат от Богемии (земельный совет).

²⁷ Герман Билолавек – депутат от Нижней Австрии (сообщество избирателей).

²⁸ Эмерих Кинман – депутат от Нижней Австрии (муниципальные советы Нойштадт, Нойкирхен и т. д.).

Депутат Ярошевич (*в сторону Бадени*). Он выступал и против русинских крестьян!

Депутат Кизеветтер²⁹. Политика поляков! В этом доме хозяйничает полиция!

Депутат доктор Поммер³⁰ (*Председательствующему*). Вы недостойны здесь находиться! Вон отсюда! Убийцы в парламенте! Прочь!

Депутат Глэкнер (*Председательствующему*). Это же революция!

Депутат Лехер. В другой стране вас бы повесили! Бесстыжая задница! Негодяй! Мерзавец!³¹

После того, как Карл Глэкнер успел крикнуть председательствующему Абрагамовичу: «Это же революция!», в трибуну полетели щепки, и в зале разыгралось побоище. При этом Абрагамович, известный своим поразительным хладнокровием, совершенно невозмутимо продолжал исполнять свои обязанности, а из коридора вошли два полицейских наряда и под конвоем вывели из зала немецких лидеров Георга Шёнерера и Карла Вольфа³².

По разнообразию мандатов и партийной принадлежности участников этой акции можно сделать вывод, что против Бадени и его чиновников сплотились на тот момент все, кроме немногочисленных центристов, целью которых было лишь соблюдение равновесия и собственное положение в Вене, а это также не способствовало популярности – ни их самих, ни правительства. Однако при такой взрывоопасной ситуации большинство все-таки выступило за наведение порядка в парламенте и приняло «предложение Фалькенгайна»³³, по которому президент получал право удалять особенно буйных депутатов из зала заседаний на три дня, а с согласия палаты – даже на тридцать дней.

После удаления лидеров немецкой фракции вице-президент парламента Карел Крамарж³⁴ оставил в рейхсрате полицейский наряд, но скандалы и националистические выкрики не прекращались. Население столицы было на стороне немцев, и столкновения между народом и полицией продолжались весь день. Это было время, когда рабочее и студенческое движение носило ярко выраженный националистический, прогерманский характер. Студенты и рабочие требовали отставки Бадени, что привело к новым кровавым боям демонстрантов с войсками, продолжавшимся всю субботу.

Субботним вечером 27 ноября 1897 года Бадени вошел в кабинет императора и положил перед ним прошение об отставке. Новый кабинет формировал бывший министр народного просвещения барон Гауч.

* * *

В столице Тироля Инсбруке тоже было в те дни беспокойно. Еще накануне отставки министр-президента Бадени начались демонстрации немцев против своих депутатов – тирольских представителей в венском парламенте Макса Капферера³⁵ и Генриха Фёрга³⁶, проголосовавших за введение «закона Фалькенгайна», ограничившего права немецкой фракции. Участ-

²⁹ Вильгельм Кизеветтер – депутат от Богемии (сообщество избирателей).

³⁰ Йозеф Поммер – депутат от Штирии (сообщество избирателей).

³¹ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 103.

³² Lothar Höbelt. Kornblume und Kaiseradler: Die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs... S. 165–166.

³³ **Юлий Фалькенгайн** (1829–1899) – граф, клерикальный консерватор, выдающийся оратор парламента. Был противником либералов, ненавидел компромиссы с оппозицией и своим законом давал особые полномочия президенту.

³⁴ **Карел Крамарж** (Karel Kramář) (27 декабря 1860–26 мая 1937) – лидер младочехов, член ландтага. С 1897 года – вице-президент австрийского парламента. Впоследствии, с 1918 года – первый премьер-министр независимой Чехословакии.

³⁵ **Макс Капферер** (Max Karferer) – депутат от муниципалитета и промышленной палаты Тироля.

³⁶ **Генрих Фёрг** (Heinrich Foerg) – депутат от сообщества избирателей Тироля.

ники демонстрации говорили, что это соглашательство с австрийским правительством: пока пангерманисты Шёнерер и Вольф защищают права немецких парламентариев и подвергаются нападкам полиции, избранные тирольцами Капферер и Фёрг помогают правительству вершить свое черное дело. Никто не уполномочил этих депутатов голосовать против своих товарищей, и они не считаются с мнением своих избирателей. Рейтинг Капферера и Фёрга после этих митингов упал настолько, что им угрожал отзыв из Вены.

Ранним утром в понедельник, 29 ноября, более ста студентов собрались по призыву своих лидеров. Через полчаса к ним присоединились четыреста горных и сельскохозяйственных рабочих из пригорода. Демонстрация пангерманистов – примечательно, что, как и в Вене, это были рабочие и студенты, наиболее активная часть края – с черно-красно-золотым флагом³⁷ отправилась к городскому совету. Член общества «Brixia» Грегор Лоб вошел в здание совета и как представитель студенчества поставил бургомистра Вильгельма Грайля в известность о проведении митинга и его антиправительственном характере. Грайль спокойно воспринял извещение Лоба. Это было в порядке вещей, учитывая, что руководство Инсбрука во главе с Грайлем и его соратником вице-мэром Эрлером принадлежало к националистической Народной партии тирольских немцев, хотя и избегало в силу своего положения радикальных методов. После демонстраций митингующие еще немного пошумели, а в казино города, принадлежавшем членам католических обществ, были выбиты стекла.

Стоит заметить, что в тот момент (еще до объединивших всех немцев университетских событий 1904 года) между самими германскими братствами особого единства не наблюдалось, и они могли в любой момент направить энергию друг на друга. Поэтому, когда распространился ложный слух, что студенческое братство «Австрия» планирует контрдемонстрацию в поддержку все тех же «соглашателей» Капферера и Фёрга, студенты «Бриксии» хотели уже штурмовать отель «Breitöf», где обычно собирались члены «Австрии». Это нападение удалось предотвратить только силами местной полиции³⁸. Тем не менее, по словам австрийского историка Йохана Хольцнера, «там, где дело доходило до вопросов автономии Тироля, члены этих партий работали в тесном взаимодействии. Например, в том случае, когда венское правительство в 1904 году запланировало открыть в Инсбруке итальянский юридический факультет...».³⁹

Когда таких ключевых моментов национального единения не было, братства вновь начинали внутреннюю борьбу за свои взгляды и отдельные идеологические положения.

³⁷ В то время этот флаг являлся не только символикой национально-освободительной борьбы народного героя Тироля Андреаса Хофера в 1809 году против иноземных захватчиков – наполеоновской армии, но и был олицетворением всего пангерманского движения.

³⁸ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 104.

³⁹ Johann Holzner. Franz Kranewitter. – Innsbruck: Haymon-Verlag, 1985. S. 150.

1.2. «Элегантный “терезианец”»

Пауль Гауч фон Франкентурн (26 февраля 1851–20 апреля 1918), пришедший на смену Бадени, на самом деле бароном по рождению не был. Он был сыном комиссара полиции. Гауч учился в академической гимназии «Терезианум»⁴⁰ и на юридическом факультете Венского университета. Тем не менее он начал свою службу вовсе не в юридическом ведомстве и не в административно-политических органах, а в Министерстве просвещения, что, несомненно, говорит о характере просвещения того времени.

Гауч был чиновником до мозга костей, он считался представителем клерикальных католических кругов и противником немецкого национализма, поэтому в процессе своей просвещенческой деятельности даже предпринимал попытки изъять из школьных библиотек книги либеральной и пронемецкой направленности, а также сочинения Шиллера и братьев Гримм.

В 1888 году Гауч провел закон о студенческих корпорациях, направленный против немецких националистов.

В 1889 году предложил проект закона, предполагавший подчинение школы католической церкви, но идея Гауча встретила жесткое противодействие, и закон не дошел до обсуждения в парламенте.

Все это не мешало продвижению его карьеры. В 1890 году Гауч получил титул барона. Несмотря на жесткость и бюрократизм Гауча (а может, и благодаря им), он командовал Министерством просвещения очень долго – с 1879 по 1893 год. Одновременно с этим Гауч еще и управлял академической гимназией «Терезианум», в которой некогда сам учился.

30 ноября 1897 года на волне националистических студенческих бунтов Гауч фон Франкентурн в первый раз был назначен министр-президентом Цислейтании⁴¹ и одновременно занял пост министра внутренних дел. Очевидно, расчет был сделан на юридический и чиновный опыт Гауча. Впоследствии он занимал пост министр-президента Цислейтании трижды (в 1897–1898, 1905–1906 и 1911 году).

Карл Грабмайр характеризовал Гауча как «типичного элегантного “терезианца”, склонного к речам и талантливым формулировкам и обладавшего тонкими манерами и дипломатической гибкостью ровно настолько, чтобы позволять себе компромиссы»⁴². Этот портрет несколько расходится с тем образом непримиримого цензора и гонителя немецкого духа, который предстает в первой половине его жизненного пути. Однако дальнейшее показало, что Грабмайр был прав, называя Гауча склонным к гибкости и компромиссам.

Несмотря на свои взгляды, Гауч пошел на некоторые послабления для немцев. Он создал чисто чиновный кабинет, не имевший отношения к парламентским партиям. Распоряжения о языках не отменили, но положение немцев временно улучшилось. Чтобы уладить партийные раздоры, Гауч отсрочил заседания рейхсрата и, воспользовавшись параграфом 14 конституции, по которому в промежутках между сессиями корона имеет право издавать законодательные меры в порядке указа, утвердил временное соглашение с Венгрией, бюджет на 1899 год и другие законопроекты. В январе была сделана попытка примирить нации, но она не удалась.

⁴⁰ «Терезианум» (Collegium Theresianum) – императорско-королевская академия в Вене. Была основана в 1746 году императрицей Марией-Терезией для детей австрийской аристократии, готовящихся к государственной службе.

⁴¹ Цислейтания (*нем.* Cisleithanien) – такое название носила Австро-Венгрия после окончания эпохи абсолютизма. С 1867 по 1918 год это была основная часть Австро-Венгерской монархии – непосредственно подконтрольные австрийской имперской (а не венгерской королевской) короне земли. В Цислейтанию входили не только современная Австрия, но также Чехия, Словения, значительные области современных Хорватии, Польши и Украины, некоторые районы Италии (Гориция, Триест и часть Тироля).

⁴² Karl v. Grabmayr. *Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920.* – Innsbruck: Universität Wagner, 1955. S. 110.

Столкнувшись с неприятием в рейхсрате такой политики, правительство Гауча перешло к форме чрезвычайных указов и постановлений. Для подавления протестов против увольнения Бадени в Праге ввели чрезвычайное положение.

Попытка найти компромисс по вопросу закона о языках тоже успеха не имела. Государство вышло из-под контроля Гауча, и в 1898 году барон-комиссар покинул пост главы правительства и на пять лет занял должность руководителя Ревизионной палаты.

Эта должность впоследствии сделалась для него «резервной», как некий тыл: еще два раза он занимал пост премьера, а после изгнания вновь отступал в тыл Ревизионной палаты.

Когда Гауч в 1898 году вышел в отставку, его место занял граф Тун-Хоенштайн – противоречивая, почти анекдотическая фигура, вызывавшая крайнюю неприязнь жителей Тироля, превративших ее в мишень для своих упражнений в остроумии.

1.3. Изворотливый хитрец

Франц Антон фон Тун-Хоенштайн (2 сентября 1847–1 ноября 1916) родился в Чехии в родовитой семье графа Фридриха фон Туна и графини Леопольдины, баронессы фон Штайн-Гуттенберг. Он учился на юридическом факультете Венского университета и служил в армии драгуном. Граф принадлежал к группе крупных землевладельцев консервативной направленности и унаследовал место отца в палате господ.

С 1883 по 1889 и с 1901 по 1911 год Тун являлся депутатом ландтага Богемии.

Назначение графа штатгальтером Богемии 5 марта 1889 года преследовало цель примирить немецкое и чешское население (естественно, и через десять лет избрание министр-президентом Цислейтании человека родом из Чехии имело все ту же цель). Но этот план и в 1889 году не сработал. Пытаясь уравнять в правах представителей обеих общин, Тун сразу столкнулся с сопротивлением и немецких националистов и младочехов. Первые опасались ослабления своих позиций в Чехии. Вторые стремились достичь национальной автономии. Предложенный Туном план примирения принят не был. В 1893 году в Праге вновь вспыхнули волнения, и Тун подавил их вооруженной силой. В процессе подавления волнений был даже раскрыт заговор тайной организации чешских анархо-синдикалистов «Омладина»⁴³. Все эти жесткие меры Туна имели прямо противоположные последствия: чешская фракция только усилилась.

После победы младочехов на выборах в ландтаг 1895 года Тун-Хоенштайн покинул пост штатгальтера. Шел февраль 1896 года, и Тун был назначен обергофмейстером эрцгерцога Франца Фердинанда, однако продержался на службе лишь несколько месяцев: эрцгерцог и его обергофмейстер не переносили друг друга.

7 марта 1898 года графа Туна назначили министр-президентом Цислейтании, и одновременно он занял пост министра внутренних дел.

Конечно же, своей задачей граф Тун считал умиротворение парламента и страны. Но, как и с прежними главами кабинета, благие намерения оказались неосуществимы.

При открытии парламента 21 марта 1898 года Тун произнес великолепную примирительную речь, а новый президент палаты Фукс объявил, что пресловутый закон Фалькенгайна, унижающий парламента, отменен.

Отмена распоряжений Фалькенгайна была всего лишь полумерой, способной вызвать восхищение только у наивного обывателя. Правительства разных стран не раз шли на подобные полумеры (вроде введения женского избирательного права в России в 1907 году), чтобы временно восстановить нарушенный баланс сил и продемонстрировать свой демократизм.

Однако графа Туна многие все-таки считали изворотливым хитрецом. Соглашение с Венгрией было продлено им при помощи все того же 14 параграфа об Имперском указе. А чтобы практика постоянного применения одиозного параграфа имела хотя бы внешне законный вид, Тун принудил славянско-клерикальное большинство в парламенте избрать исполнительную комиссию, без одобрения которой не принималось ни одной меры и не выпускалось ни одного эдикта по 14 параграфу. Но деятельность этой марионеточной комиссии носила чисто формальный характер.

На повестке дня стоял все тот же вопрос, превратившийся в камень преткновения уже для пятнадцати австрийских правительств, – вопрос о языках. Кабинет графа Туна немедленно

⁴³ «Омладина» – группа чешской радикальной молодежи, движение которой не имело четкой политической платформы, его участники симпатизировали разным партиям – от младочехов до социал-демократов. Их объединяли борьба против режима Габсбургов, требования всеобщего избирательного права. В 1894 году против группы состоялся политический судебный процесс в Праге по обвинению в создании тайной антиправительственной организации. Обвинение доказано не было, но большинство участников были осуждены на различные сроки тюремного заключения.

оказался в центре конфликта при обсуждении языкового законодательства. Некоторые политические круги продолжали настаивать на принятии «Закона о языках» («Sprachenverordnung»), еще внесенного Казимиром Бадени. Государственные служащие в землях со смешанным населением (особенно в Богемии и Моравии) обязаны были владеть обоими языками.

Немецкие депутаты вновь заблокировали работу рейхсрата, стремясь сорвать введение закона Бадени, и отказались поддерживать правительство, требуя назначения специальной комиссии для разработки вопроса о языках. Но Тун, подобно всем министр-президентам, враждебно настроенный по отношению к немцам и покровительствующий славянам, на это не пошел. Его настолько злили «шёнерианцы» с их германским духом и антипапским лозунгом «Долой Рим!», что он не сдержался и прямо с трибуны закричал:

– Я и сам вовсе не монах, но я, в конце концов, как и все мы, – католик! И мы не должны этого стыдиться!⁴⁴

В то же время на посту министра финансов оказался лидер младочехов Йозеф Кайцль⁴⁵, что как будто должно было помочь Туру в формировании чешского большинства. Эта пара – Тун и Кайцль – стала объектом злых стихов, скетчей и анекдотов инсбрукской сатирической печати. Пангерманисты Тироля обыгрывали в эпиграммах значение фамилий, в том числе и диалектное. Кайцль (или койцль) на тирольском диалекте означает «крест», «планида». Тун – «рыба тунец». Сатирические нападки вызывало и пристрастие Туна к громким парадом с барабанным боем и маршами.

Во втором номере только что основанной в Инсбруке газеты «Scherer» появилась эпиграмма «Дуэт» («Duett»)⁴⁶:

Кайцлю Тун сказал: «Послушай!
Хватит плакать, дорогуша!
Человек несет свой Крест,
И Тунца ведь кто-то съест.
Но уплыть и улететь —
Стоит только захотеть.
Сверху нам, двоим засранцам,
Виден мир, покрытый глянем.
Бейте ж громче, барабаны!
Нам немецкие смутьяны
Станут больше не страшны
При разграблении страны».

* * *

Однако чехи во главе с Кайцлем оказались не настолько сильны, чтобы настоять на своем и оказать поддержку кабинету министров. Вызывавшие раздор распоряжения о языках опять не были отменены. Правительство уже ничего не могло сделать, и злоупотребление 14 параграфом продолжалось. После этого парламент оказался ненадолго нейтрализован. Население облагалось новыми налогами, а Тун в упоении собственной энергией как будто вовсе забыл

⁴⁴ Lothar Höbelt. Kornblume und Kaiseradler: Die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs. Linz: Oldenbourg Verlag, 1993. S. 146.

⁴⁵ Йозеф Кайцль (Josef Kaizl) (1854–1901) – чешский профессор и политик в Австро-Венгерской империи, лидер младочехов. В правительстве Туна 1898–1899 годов был членом Имперского Совета, министром экономики и финансов между 1898 и 1899 годами.

⁴⁶ Der Scherer, 1999, № 2. S. 3. – Перевод с нем. М. С.

о существовании конституции и раздираемого страстями здания на Ринг-штрассе, действуя по своему усмотрению. И теперь уже автономная Венгрия вернула его к реальности, потребовав парламентского обсуждения общеимперского бюджета. Тогда премьер-министр, развернувшись в обратную сторону, кинулся за помощью к немцам, но те припомнили ему былую вражду и отказались вступать с ним в переговоры, пока не будут отменены распоряжения о языках.

По мнению Грабмайра, «необходимо было направлять цели и идеи немцев в конструктивное русло, чтобы сформировать общую политику национальных программ». Причем следовало «разделить все требования на две части – общую, для страны, и специальные – для регионов», однако «у Туна всякое остроумие закончилось», потому что он «слишком поздно пришел к пониманию, что ни один закон в Австрии не пройдет без участия немецкой фракции»⁴⁷.

Фривольную игру австрийского правительства с 14-м параграфом депутат назвал «абсолютизмом с фиговым листком». В то же время речь Грабмайра, произнесенная в Мерано 4 февраля 1899 года, тоже кажется совершенно идеалистичной и утопической.

«Пора обратиться лицом к народу! – взывал красноречивый тиронец. – Поздно вспоминать, сколько ошибок мы наделали за двадцать лет. Надо просто понять, что без народа не будет ни политики, ни экономики, и найти в себе мужество посмотреть ему в глаза и принять его требования!»⁴⁸ То был призыв в пустоту, красивые слова и не более. Однако в этой речи прозвучала весьма интересная лексика. Тирольский представитель заметил, что «следует различать две группы немцев – тех, которые выступают против государства и являются ирредентой, и тех, которые поддерживают государство, но тоже оказались ущемлены в своих правах»⁴⁹.

Во-первых, депутат пытался разделить и противопоставить немецкое население – провести границу между пангерманистами и конформными обывателями, которых он называет «лояльными немцами». Заигрывание с аполитичными обывателями и абстрактным «народом» – очень характерный прием для центриста.

И, во-вторых, Грабмайр впервые назвал немецких националистов итальянским словом «ирредента», что само по себе звучало несколько необычно, но на тот момент было абсолютно верно: они действительно оказались чужеродным телом в собственной немецкоязычной стране.

«К сожалению, в Австрии имеется немецкий “ирредентизм”, – писал Грабмайр. – Это те немцы, которые видят выход только в распаде Австрии и присоединении к Германии»⁵⁰.

Слова депутата звучат наивно: процесс интеграции шел уже полным ходом, и распад Австрии был лишь делом времени.

«Для лояльных немцев в государстве есть только один путь, – заявил Грабмайр, – закладывать конституционные основы для защиты национальных прав немецкого народа. Совершенно очевидно, что это должен быть отказ от исключительного господства немцев. Раз мы живем в единой империи, мы должны считаться с другими национальностями, в первую очередь со славянами. Это трезвый расчет, принимая во внимание все факторы. И здесь нет никакой политической альтернативы»⁵¹.

Сознавал ли Грабмайр, что его слова при сложившейся ситуации звучат для всех, без исключения, немцев унижительно: как попытка воспитывать их насильственными методами, гладить по голове за послушание и «лояльность» и наказывать за радикализм? Скорее всего, он вообще об этом не думал, стремясь сохранить собственное лицо и, как он сам однажды

⁴⁷ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 62.

⁴⁸ Ibid. S. 63.

⁴⁹ Ibid. S. 63.

⁵⁰ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 66.

⁵¹ Ibid. S. 63.

выразился, «благополучно решить крайне сложную задачу <...>, не повредив при этом <...> собственной политической линии»⁵².

Комментируя результаты своего выступления в Мерано, он говорит о том, что тирольские крупные землевладельцы пришли в восторг от его речи, заявляя, что «впервые прозвучало свободное и смелое слово», в то время как «радикалы были в ярости»⁵³.

Первым на меранскую речь депутата откликнулось «Восточногерманское обозрение» Карла Вольфа. В статье под названием «Некий Грабмайр» говорилось: «Давно уже нам не приходилось слышать таких предательских слов! Да ни один славянин и ни один мадьяр не позволил бы себе подобного тона по отношению к своей нации, какой позволил господин Грабмайр по отношению к собственному народу. Ни один из них никогда не пал бы столь низко, как господин Грабмайр. Он пытается развязать войну между немцами и сравнивает борцов за права и свободу с ренегатами и уголовниками, пытаясь опорочить их в глазах парламента и народа»⁵⁴.

Официальная «Triester Zeitung» от 16 февраля 1899 года по этому поводу замечала: «Живейший интерес вызывает в настоящее время ожесточенное противостояние между членом парламента доктором Грабмайром и группой Шёнерера-Вольфа. Господин Грабмайр поистине является украшением немецких левых. Среди множества посредственностей, которые в почтенном возрасте решили потопить общественную жизнь в радикализме, этот член парламента приятно удивляет не только широкими познаниями в юридической области, но и блестящим ораторским талантом. Идеальная форма его выступлений <...> удачно избегает сухого академизма, что создает чувственную динамику в соединении с политическим темпераментом, классическим стилем и даже свободой выражений»⁵⁵.

Триестская газета замечает, что радикальные призывы приведут немецкий народ к печальным последствиям, и неизвестно, какой следует искать выход из этой тяжелой ситуации. Зато «украшению немецких левых» Грабмайру, как выяснилось, и это было известно. Он пишет, что главная мысль его речи исчерпывается одной фразой: «Единственный шанс на успех – это согласие между всеми лояльными, государственно мыслящими немцами»⁵⁶. Хорошо знакомая фраза, многократно произносимая в политической истории, но лишенная всякого практического смысла. Призывы Грабмайра к «коллективной политической воле» и «выработке мирных соглашений» уже не действовали, и не мог опытный парламентарий этого не видеть. Однако его истинная позиция становится ясна, как только он переключается с народа на действующих политиков. Грабмайр покровительственно журит их за неспособность соблюсти свое публичное лицо, которое строится «на остроумии, умении приводить аргументы, вести себя, отвечать, поскольку каждый жест политика замечен окружающим»⁵⁷.

Одним словом, «встряхнитесь, господа, на вас смотрит вся Европа». Тирада Грабмайра о визуальной роли политика настолько прозрачно указывает на его собственные убеждения, ставящие красноречие, жесты, манеры и остроумие выше здравого смысла и реальности, что дальнейшие вопросы отпадают за ненадобностью.

Но никакая речь немыслима без выводов. И Грабмайр начал сворачивать свое пространное выступление, чтобы перейти к «трем необходимым условиям дальнейшего развития государства»: общественным гарантиям для немцев (каким, он не уточнил), пересмотру нынешнего большинства в парламенте (оно состояло из чехов) и... смещению правительства Туна, которое никого уже не удовлетворяет. Это было вовремя и хитроумно.

⁵² Ibid. S. 109.

⁵³ Ibid. S. 64.

⁵⁴ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 64.

⁵⁵ Ibid. S. 65.

⁵⁶ Ibid. S. 64.

⁵⁷ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 63

Напоминание о гарантиях для немцев было поклоном в сторону немецкого большинства в Тироле. Призыв пересмотреть чешское большинство в парламенте ничему не угрожал, поскольку на совещание в Мерано собрались отнюдь не чехи. А ругать Туна стало почти модным занятием, ведь его в тот момент уже не поддерживал ни один человек в здравом уме. И присутствующие вполне охотно согласились с этими пунктами, предложенными тирольским «цицероном».

На этом следовало бы остановиться, однако Грабмайр поистине превзошел себя: под конец он еще решил сделать изящный реверанс в сторону многочисленных австрийских католиков. Покритиковав радикальный лозунг «нелояльных» немцев «Долой Рим!», он заметил, что «такое смешение религии и политики, практикуемое радикалами, является предосудительным, поскольку оскорбляет чувства верующих <...>. Почему это для немцев должно быть нечто иное, чем для поляков и чехов, словенцев и итальянцев?»

«Мы обязаны положить конец этому лозунгу, утверждающему, что мы враги церкви! – воскликнул Грабмайр. – Разве мы ее враги? <...> Церковь тоже нуждается в свободе и правах, которые мы для себя требуем»⁵⁸.

Ответ на этот ораторский пассаж не заставил себя ждать. «Никто из уважающих себя немцев не подаст руки этому проправительственному клерикалу!» – воскликнуло «Восточно-немецкое обозрение» Карла Вольфа.

* * *

И сам Грабмайр, и его речи являются, в сущности, зеркалом всего австрийского парламентаризма. Однако, при всей возможной иронии в его адрес, Грабмайр – незаменимый комментатор событий. Хотя бы уже потому, что он был непосредственным свидетелем происходящего, причем типичным для своего времени свидетелем.

А к бунтующим «нелояльным» немцам в конце года присоединились еще и недовольные налогами муниципальные советы. Они обвинили Туна в злоупотреблении 14-м параграфом. 2 октября 1899 года граф Тун-Хоенштайн, не вынеся ударов со всех сторон, подал в отставку, а его место занял граф Клари.

⁵⁸ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 63.

1.4. Потомственный дипломат

Новый премьер Цислейтании граф Манфред Клари-Альдринген (30 мая 1852–12 февраля 1928) начал с того, что отменил распоряжения о языках и заявил о полной своей нейтральности в отношении всех партий и национальностей. Он вошел в залу и, сделав выразительное лицо, попросил партии с пониманием относиться к обстановке в стране и не нарушать порядка в парламенте.

«Выразительное лицо» для политика – это, прежде всего, не сантименты и страстные восклицания, а созидательное спокойствие и деловая сосредоточенность.

Именно так и выглядел Клари, сын богемского принца Эдмунда Морица и принцессы Елизаветы-Александрины фон Клари-Альдринген, урожденной французской графини де Фицкельмон, а также младший брат известного дипломата принца Зигфрида⁵⁹. Даже в его назначении министр-президентом виделись семейные гены: дед Манфреда Клари, граф Шарль-Луи де Фицкельмон⁶⁰, был успешным вторым министр-президентом в правительстве князя Меттерниха.

Но столь блестящая наследственность не помогла новому премьер-министру. Клари усердно демонстрировал свою лояльность ко всем непримиримым группам. Он клятвенно заверил, что будет прибегать к параграфу 14 лишь в крайних случаях и только по экономическим вопросам.

– Но сам-то параграф не отменил, – усмехнулся в усы скептический эрцгерцог Ойген Габсбург-Австрийский, как всегда, наблюдавший за происходящим со стороны.

Правительство вновь старалось примирить чехов с немцами, но чехи начали obstruction, и этот план оказался неосуществим. Поэтому, продержавшись рекордные по краткости три месяца, министерство Клари ушло в отставку в конце декабря того же 1899 года. Зато Клари было чем гордиться: он сдержал свое слово и ни разу не прибег к параграфу 14.

В то же время избежать параграфа было уже невозможно. И новый премьер Генрих Виттек первый же свой указ издал на основании параграфа 14.

⁵⁹ Зигфрид (Франц Иоганн Карл) граф фон Клари-Альдринген (Siegfried (Franz Johann Carl) Graf von Clary und Aldringen) (14 октября 1848–11 февраля 1929) – австро-венгерский дипломат, ставший наиболее известным во время Первой мировой войны.

⁶⁰ Шарль-Луи де Фицкельмон, или Карл Людвиг фон Фикельмон (нем. Karl Ludwig Graf von Ficquelmont, фр. Charles-Louis comte de Ficquelmont et du Saint-Empire) (23 марта 1777–7 апреля 1857), – австрийский государственный деятель французского происхождения, генерал австрийской армии, писатель, дипломат. Был министр-президентом Австрийской империи в 1848 году.

1.5. Железнодорожник

Генриху Риттеру фон Виттеку (29 января 1844–9 апреля 1930), другу детства эрцгерцогов и принцев, впоследствии доверяли воспитание царских отпрысков. Доверили ему и кабинет министров, хотя он, совершенно очевидно, по своим личностным и профессиональным данным не был готов к роли лидера нации. Это был администратор узкоспециального образца. Его коньком были железные дороги: в них он разбирался как истинный профессионал.

Виттек учился в Шотландской гимназии, затем на юридическом факультете университета. Став юридическим экспертом, он работал в ведомстве путей сообщения, а в 1885 году недолгое время управлял Министерством торговли. С 20 ноября 1897 по 1 мая 1905 года Виттек был назначен министром путей сообщения сразу в нескольких правительствах Австрийской империи. Он энергично расширил железнодорожную сеть и даже стал провозвестником профсоюзного движения, вполне успешно отстаивая социальные интересы работников железнодорожного транспорта. Активная деятельность Виттека не осталась незамеченной и наверху: в нем увидели человека, умеющего договариваться с народом. Образ народного заступника ценился у венской верхушки, давно оторвавшейся от собственного населения.

Находясь в должности главы кабинета, Виттек даже успел утвердить либеральный закон о выборах в венской общине. Но продержался новый премьер еще меньше своего предшественника Клари и установил очередной рекорд минимального пребывания у власти – полумесячное правление – с 21 декабря 1899 по 18 января 1900 года. Он подал в отставку 15 января 1900 года, заявив, что такой страной, раздираемой социальными и национальными конфликтами, править невозможно.

– Я владею навыками осуществлять в стране связь, – сказал не лишенный чувства юмора Виттек, – но, боюсь, речь идет только о паровозах.

Конечно, дело было не в Виттеке и его паровозах. Ни Бадени, ни Тун, ни Гауч, ни Виттек ничего уже не могли сделать. Около 1900 года в Австро-Венгрии проживали пятьдесят миллионов человек, из которых 25 процентов составляли немцы, 20 – мадьяры, 13 – чехи, 9 – поляки, 8 – русины, 6 – румыны и хорваты, 4 – словаки. И все они хотели удовлетворения своих национальных требований.

Виттек был уже восемнадцатым по счету премьером за три года. Ситуация в Цислейтании становилась катастрофической.

1.6. «Бюрократический талант»

На место Виттека пришел уроженец южно-тирольского города Тренто⁶¹, сын жандармского полковника Эрнст фон Кёрбер (6 ноября 1850–5 марта 1919), на первый взгляд ничем не отличавшийся от прежних хозяев кабинета. Учился он в академии «Терезианум» и в Венском университете, как многие венские парламентарии, работал в Министерстве торговли и был одно время генеральным директором железных дорог, как Виттек. Но все же в Кёрбере поначалу ощущалось нечто новое – жесткость военного.

Став главой кабинета, Кёрбер созвал конференцию по национальному вопросу, и дела в парламенте ненадолго приняли мирное течение. Однако чехи снова объявили обструкцию. 8 июня 1900 года они явились на Рингштрассе с трубами, тарелками, хлопушками и устроили такой шум, что заседать стало невозможно. Кёрбер сразу же распустил парламент.

Очевидно, то оказался самый удачный момент для передышки, потому что в конце июня внимание Цислейтании было отвлечено внешними событиями: 20 июня китайская артиллерия обстреляла посольство Австро-Венгрии в Пекине, и участники так называемого «боксерского» восстания в Китае начали осаду польского квартала, длившуюся два месяца – до середины августа. На следующий день после обстрела посольства императрица Ци Си объявила войну целому ряду стран, и пять сотен австрийцев вместе с европейскими союзниками приняли участие в боевых действиях. Впрочем, внешняя политика уже не могла повлиять на состояние Венского парламента.

Результаты новых выборов в январе 1901 года Кёрбера не устроили. Он надеялся на единый парламент, с которым можно будет работать, но радикальные группы немцев и чехов только усилились. Тогда разочарованный Кёрбер прибег к тем мерам, которыми прославились его предшественники, – он создал сеть железных дорог и ввел десятичасовой день для горнорабочих. Для человека с военным стержнем подобное политическое измелчение выглядело пораженчеством, но у Кёрбера не было иного выхода: он должен был демонстрировать хоть какую-то деятельность.

Депутат Грабмайр впоследствии писал о Кёрбере: «...Наш великий бюрократический талант, несмотря на весь свой ум и дипломатический опыт, несмотря на его бесстрастное упорство, так и не смог решить австрийскую проблему. Ему не хватало беспощадной энергии, которая была вполне допустима в нашей ситуации»⁶².

Парламент легко принял все эти программы, потому что они никак не затрагивали основные интересы партий и групп. Однако очередное осеннее обострение в парламенте обрушилось и на кабинет Кёрбера. Чехи вернулись к вопросу о своих национальных правах и потребовали признания чешского языка обязательным в округах Богемии.

Кёрбер решил игнорировать вопрос о языках и национальностях. Он настаивал на обсуждении бюджета, однако радикальным членам парламента не было до этого никакого дела. Кёрберу угрожали обструкцией. Тогда он заявил, что без утверждения бюджета на 1902 год парламент утратит свою роль и страна вернется к абсолютизму. Эта угроза напугала парламентариев, и бюджет на первую половину года был утвержден. Чехи согласились подождать со своими требованиями, а Кёрбер выиграл время и занялся переговорами о бюджете с премьером Венгрии Кальманом Селлем⁶³.

⁶¹ Австро-немецкое название – Триент (в 1918 году вошел в состав Италии).

⁶² Karl v. Grabmayr. *Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920...* S. 110.

⁶³ **Кальман Селль** (1842–1915) – венгерский политический деятель, с 1867 года депутат рейхстага, либерал. В 1875–1878 годах был министром финансов в кабинете Тиссы и способствовал упорядочению венгерских финансов. С конца XIX века вел переговоры с правительством Цислейтании об урегулировании австрийско-венгерских отношений.

Но теперь уже в венгерском сейме взяли верх аграрники, не желавшие принимать проект соглашения. В течение 1902 года условия переговоров все время менялись, и отношения между премьерами обострились до того, что не раз грозили полным разрывом.

Весной в Триесте на судах австрийского Ллойда началась стачка кочегаров, перешедшая во всеобщую забастовку. Беспорядки удалось усмирить только военной силой, и в этом тирольском городе было введено осадное положение. Еще серьезнее оказалась стачка сельскохозяйственных рабочих в Галиции, перешедшая в политическую форму и показавшая полную деградацию административно-хозяйственного аппарата управления.

Социал-демократы предостерегали Кёрбера от крутых мер, и он вел себя сдержанно.

Поэтому рабочим удалось добиться осуществления многих своих требований.

Благодаря компромиссам министр-президента в 1902 году впервые был получен бюджет, утвержденный парламентом, а не параграфом 14.

Однако в это время истек срок перемирия Кёрбера с чешскими депутатами, они вновь прибегли к обструкции, и для создания бюджета на 1903 год Эрнсту Кёрберу вновь пришлось прибегнуть к 14-му параграфу.

Это развязало ему руки, он созвал чешско-немецкую конференцию и в ходе ее работы попытался достичь компромисса. К январю 1903 года оба правительства, Венгрии и Цислейтании, наконец договорились.

Но провести через парламент результаты конференции не удалось – теперь уже из-за обстановки в Венгрии, которая тоже имела свои сложности с вопросом о языке и отнюдь не была карманной державой Кальмана Селля.

1.7. Австро-венгерские переговоры

Венгры требовали восстановить в венгерской части армии мадьярский язык.

Дело осложнилось тем, что премьер-министр Селль перестал ориентироваться в обстановке и 16 июня 1903 года от бессилия подал в отставку. Новым венгерским премьером стал Куэн-Гедервари⁶⁴. По сложившейся в обоих правительствах традиции он обещал оппозиции большие уступки, но лишь на словах.

Утратив доверие, Гедервари сделал попытку подкупить оппозицию, но, не добившись результата, ушел в отставку. Император отказался идти на уступки венграм в отношении армии и мадьярского языка, и в стране едва не вспыхнула революция.

Началось брожение в армии, что грозило военным переворотом.

Император уговорил Гедервари вернуться, но тот продержался в премьерах лишь месяц и страны не успокоил. Тогда император согласился на введение мадьярского языка в военных судах и школах, на венгерское национальное знамя и на перемещение офицеров-мадьяр в Венгрию.

Только военные команды не были переведены на мадьярский язык.

Новым премьер-министром Венгрии стал Стефан Тисса⁶⁵, враждебно встреченный националистами. Тисса применил к оппозиции насильственные меры, и ответ последовал сразу: против Тиссы сплотился весь сейм. 13 декабря 1903 года введенная в парламент стража была выброшена депутатами, трибуну президента и кресла министров разнесли в щепки. Тисса предложил короне распустить сейм, хотя это и было незаконно.

В январе 1904 года состоялись выборы нового сейма. Они усилили оппозицию, и Тисса подал в отставку, но в стране не нашлось человека, способного в тот момент сменить его на посту премьер-министра, и он был вынужден остаться и вести дела.

Только в конце июня 1905 года Тиссе удалось передать пост барону Фейервари⁶⁶.

* * *

В австрийском правительстве по-прежнему согласия не наблюдалось. Теперь уже итальянцы Тироля требовали удовлетворения своих прав. Они хотели, чтобы в Триесте был создан особый университет с преподаванием на итальянском. Именно тогда итальянская проблема Тироля впервые вышла на парламентский уровень.

Проблема итальянского университета в Триесте усугублялась тем, что живущим в этом же городе словенцам тоже нужны были параллельные классы в триестской гимназии и академия в Люблянах. Это грозило распадом тирольского образования на множество параллельных учебных заведений на разных языках и с разными критериями обучения и аттестации.

Народ требовал всеобщего избирательного права (оно будет введено только в 1907 году). Правительство и парламент, на две трети состоявший из представителей крупного землевладения и буржуазии, были против прямого избирательного права. Для давления использовались

⁶⁴ **Карой Куэн-Гедервари** (Khuen-Héderváry Károly) (23 мая 1849–16 февраля 1918) – пятнадцатый премьер Венгрии, сторонник жесткой мадьяризации. Отличался приверженностью короне и деспотическими мерами против народа, ввел жесткую цензуру, конфисковывал книги и газеты, запрещал собрания.

⁶⁵ **Стефан Тисса** (Tissa Stefan) (1861–1918) – граф, политический деятель Венгрии. Стремился противодействовать росту русского влияния на Балканах и созданию Союза балканских государств. Один из главных виновников II Балканской войны и Первой мировой войны. Активизировал австро-венгерские позиции на Балканах.

⁶⁶ **Геза Фейервари де Комлош-Керестеш** (Fejerváry de Komlós-Keresztes Géza) (1833–1914) – генерал и талантливый политический деятель, с 1862 года – барон. Участник Итальянского похода 1859 года, с 1884 года – министр народной обороны. Провел ряд полезных реформ и смог частично вывести страну из кризиса в 1905 году.

разные средства – провокации, запугивания, ограничение свободы слова, собраний, подкуп печати. Заявление прогрессивных депутатов рейхсрата были поддержаны манифестациями во всех крупных городах. Так начинался XX век.

Часть 2. Тироль на фоне кризиса

Австро-Венгерская монархия загнала себя в тупик межнациональных отношений, и это неизбежная судьба всех чрезмерных государственных образований. Политический кризис в Цислейтании можно было предсказать задолго до его начала, но к тому моменту империя уже настолько закосотенела в своем бюрократизме, что утратила способность не только к изменениям, но даже к самокритике. Иначе чем можно объяснить все те нарастающие, как снежный ком, пропагандистские глупости, которые сопровождали тирольский конфликт ноября 1904 года.

Еще в 1899 году Грабмайр писал по поводу своей меранской речи и ее последствий:

«Решающее сражение произошло в моем доме – Тироле. Наиболее агрессивное сообщение появилось в радикальной “*Tiroler Tagblatt*”. Оно называлось “Грабмайр против Грабмайра” и преследовало цель доказать, что я сам предал мои недавние взгляды и политическую позицию. Тогда я написал следующий ответ: “В качестве обороны от нападок! Письмо доктора Грабмайра в “*Tiroler Tagblatt*”, Мерано, 12 февраля. Вы выдвигаете против меня серьезное обвинение в политическом ренегатстве. Однако в годы юношеского становления, о которых вы пишете, многое основано на иллюзиях, которые не дают истинного знания вещей, как будто ты наблюдаешь мир из окна мчащегося поезда. Я несколько не изменил своим старым политическим принципам, это вы отошли от своих прогрессивных устремлений и все больше смещаетесь в сторону крайнего радикализма. И после этого вы еще обвиняете меня в том, что я не поддерживаю ваши безумные идеи. Разумный и жесткий контроль над ситуацией был возложен на меня немецкими землевладельцами. И я именно так понимаю свою задачу, работая в парламенте. Могу сказать без ложной скромности, что эту задачу я успешно выполняю. Наш союз в парламенте сформировался путем консультаций и свободного волеизъявления христианских социалистов, совета попечителей и других представителей. За пределами этой организации в парламенте оказалась небольшая немецкая радикальная фракция (партия Шёнерера), которая ведет борьбу кулаками и <...> потоками оскорблений и ругательств. <...> И я отлично понимаю, что с каждым своим выступлением вызываю все меньше симпатий у господ Шёнерера и Вольфа с их нетерпимостью и хамскими оскорблениями. Я еще помню прогрессивную Народную партию в Инсбруке. Я ее хорошо знал, с ней связывал свои надежды, но она скоро исчезнет, а группа Шёнерера – Вольфа останется. Именно с этим связан мой отход от прежних политических позиций, о котором вы пишете. <...> Кстати, у меня нет ни малейших оснований делить немецкое население на “ирредентистских волков и законопослушных овец”. И я никогда не отделял себя от немецкого народа...»⁶⁷.

* * *

Однако, что бы ни думал и не говорил тирольский депутат, невозможно не признать, что противостояние в Тироле не было случайным конфликтом, развязанным радикалами. Оно имело тысячелетнюю предысторию, когда этот похожий на рай клочок земли все время переходил из рук в руки. В результате вековой проблемы Тироля на территории края сформировались многонациональное сообщество и две достаточно уверенные в себе, внутренние автономные державы – Австрийская Германия (в Северном Тироле с Инсбруком во главе) и Австрийская Италия (в Трентино и Альто-Адижде с центром в Тренто). Кстати, где еще, как не в Тироле, могло образоваться две Народные партии, причем противоположные по взгля-

⁶⁷ Karl v. Grabmayr. *Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920*. – Innsbruck: Universität Wagner, 1955. S. 65–66.

дам. Одну – в Тренто – возглавляли итальянские католики Южного Тироля (одну из ключевых ролей в ней играл молодой христианский деятель, студент-филолог Альчиде Де Гаспери), вторую – в Инсбруке – либеральные националисты Северного Тироля. Именно об этой партии пишет Грабмайр, как о «некогда прогрессивной», которая «скоро исчезнет». Ее создал активный пангерманист, вице-мэр Инсбрука Эдуард Эрлер. Первая из них, католическая, итальянская, старалась вести свою собственную, автономную христианскую работу, склоняясь при этом к единению с католической конфессией Австрии и компромиссам внутри Габсбургской монархии. Вторая, партия пангерманистов, была и антигосударственной, и антиклерикальной, и антиитальянской.

Активное партийное строительство того времени связано с процессом интеграции, происходившим на территории всей Австрийской империи, но в Тироле в особенности.

Исследователь Хольцнер писал, что «сами исторические изменения обусловили этот «передел», который <...> с самого начала нового века стал неизменной частью немецкого политического ландшафта Тироля, где консервативные партии были заменены христианскими социалистами»⁶⁸.

Их программа, по словам Хольцнера, была востребована в Вене и осуществлялась под руководством мэра Карла Люгера. В то же время либеральная партия все более вытеснялась националистами⁶⁹. Это вытеснение, о котором говорит Хольцнер, в конечном итоге привело к слиянию и даже поглощению. Так образовался политический «кентавр» – национал-либералы, или либеральные националисты, в лице «Немецкой народной партии» и «Общества Немецких националистов». В то же время венский мэр Люгер стал кумиром для умеренных тирольских католиков вроде Де Гаспери.

С последней четверти XIX века Тироль испытывал двойное давление: со стороны государственной цензуры и со стороны других национальностей, проживавших на этой территории. О том, что такое австрийская цензура того времени, говорит уже ранее упомянутый факт – из школьной программы изымались как вредоносные, произведения немецкой классики, вроде Шиллера и сказок братьев Гримм⁷⁰. С точки зрения воинственного католицизма, превратившего Цислейтанию в Средневековье посреди обновляющейся Европы, Шиллер был олицетворением бунтарства, а сказки Гримм – порождением язычества.

Воспитание человека начиналось еще со школьной скамьи. И политическое противостояние в Тироле оказалось связано в первую очередь с системой образования как основой формирования национального самосознания. Именно поэтому образовательный, университетский вопрос приобрел государственное и политическое значение.

С конца XIX века каждый срыв лекций, каждая университетская стычка или демонстрация попадали на страницы местной печати. Ирония и критическое отношение к беспомощному правлению и распадающейся монархии Габсбургов стали главной темой сатирических газет «Der Scherer» Карла Хабермана и «Der Tiroler Wastl» Рудольфа Йенни, в которых преобладал в большей (у Хабермана) или меньшей (у Йенни) степени радикальный экстремистский уклон. Но такие газеты неправительственного, неофициального характера выходили либо раз в неделю (по субботам или воскресеньям), либо два раза в месяц (первого и пятнадцатого числа). Если, конечно, вообще выходили, а не изымались цензурой. Они не могли держать внимание читателей на протяжении целой недели. А динамика событий была такова, что ситуация менялась в начале века даже не по дням, а по часам. И читатели жаждали каждодневных репортажей о тирольском противостоянии и подробностей того, что случилось ноябрьской ночью 1904 года.

⁶⁸ Johann Holzner. Franz Kranewitter. – Innsbruck: Haymon-Verlag, 1985. S. 150.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Johann Holzner. Franz Kranewitter. – Innsbruck: Haymon-Verlag, 1985. S. 35.

Рудольф Кристоф Йенни в качестве создателя сатирического листка «Der Tiroler Wastl» несколько уступал Хаберману, издававшему «Der Scherer», по трем причинам: во-первых, газета Хабермана вышла первой, во-вторых, она была злободневнее и сатирически злее, в-третьих, язык «Wastl» изобилует тирольскими диалектизмами, доступными лишь местным жителям. Но сам Йенни как журналист был опытнее фотографа Хабермана. Он довольно скоро смог выделить в числе других изданий своих союзников и противников и подвести итог этому противостоянию. Собратьями газеты он называл зальцбургскую христианскую «Kirchenlicht» («Свет христианства») и франкфуртскую «Das freie Wort» («Свободное слово»)⁷¹. Кроме того, в Линце выходила газета «Der Kyffhäuser»⁷². Ее издавал журналист и переводчик Гуго Грайнц, один из молодых авторов «Scherer». Естественно, что эти газеты имели похожие взгляды и цели.

* * *

Позднее, уже с 1910-х годов, в литературно-издательской деятельности принимали участие и другие интересные личности. Одной из них был литературовед Людвиг фон Фикер (13 апреля 1880–20 марта 1967), родившийся в Мюнхене и выросший в Южном Тироле в семье учителя. Фикер продолжительное время издавал журнал «Der Brenner»⁷³ и вел с «младотиролецкими» насыщенную переписку. Впоследствии и эта переписка, и собрание журналов, и все бумаги Фикера легли в основу бесценного по своей информативности государственного собрания Инсбрука «Brenner-Archiv». Несмотря на молодость Фикера и на то, что его «Brenner» вышел только через шесть лет после трагических инсбрукских событий, издатель переписывался и с художником «Scherer» Августом Пеццей.

Второй яркой личностью был сотрудничавший в газетах «Der Kyffhäuser» и «Scherer» военный врач и писатель Генрих фон Шуллерн – важная фигура для литературы, журналистики и для Тироля в целом.

Фон Шуллерн (17 апреля 1865–16 декабря 1955) был по профессии полковым лекарем и служил стрелком кайзерьегерского полка в Боцене, но с конца 1890-х годов занялся журналистской деятельностью, играл ключевую роль в Зальцбургском литературно-художественном обществе «Rap», писал очерки для газет «младотиролецких».

В 1910 году был издан его художественно-документальный роман «Молодая Австрия», в котором он рассказал о движении «младотиролецких» и о студенческих братствах края.

Сатирической печати Тироля противостояли весьма агрессивные католические издания консервативного уклона – «Tiroler Stimmen»⁷⁴ и «Tiroler Anzeiger»⁷⁵, к 1910-м годам затаскавшие Рудольфа Йенни по судам и печатавшие оскорбительные статьи про издателя «Scherer» Хабермана. Этим изданиям в газетах «Wastl» и «Scherer», с их язвительным юмором, свободлюбивым духом, антиклерикализмом и дарвинизмом, претило все.

⁷¹ Rudolf Christoph Jenny. Das schwarze System vor Gericht. - Innsbruck: Verlag von Rud.Christoph Jenny, 1910. S. 2.

⁷² «Der Kyffhäuser» – название произошло от горного района в Тюрингии – газета, выходившая в Линце с 1 апреля 1899 года до 3 марта 1902 года с подзаголовком «Deutsche Monatshefte für Kunst und Leben» («Германские ежемесячные записки искусства и литературы»). Позднее преобразована в «Neue Bahnen» («Новые пути»).

⁷³ «Der Brenner» («Факел», нем.) – литературно-художественный журнал, издавался Людвигом Фикером с 1910 по 1954 год.

⁷⁴ «Tiroler Stimmen» («Голос Тироля») (1896–1919) – католическая газета, позднее – «Neue Tiroler Stimmen».

⁷⁵ «Tiroler Anzeiger» («Тирольский обозреватель») (1921–1938) – католическая газета.

Официальная газета Тироля «Innsbrucker Nachrichten»⁷⁶, выходявшая ежедневно, такой свободы мнений себе не позволяла и по сравнению с другими газетами казалась суховатым изданием.

Там не допускалось неприличных эпиграмм, резких оценок и непарламентских выражений. Так называемый «Фельетон» в «подвальной» части газеты – он находился внизу каждой страницы – был типичным литературным обозрением. Впрочем, ноябрьские события и в этой газете сместили акцент, а ее патетика в духе агрессивно-романтического национал-патриотизма, с которой подавались события, напоминала последний акт древнегреческой трагедии.

Для подобной пропагандистской акции непременно нужна была жертвенная Ифигения. «Ифигенией» этой загадочной истории под названием «Fatti di Innsbruck» стал молодой одаренный художник Август Пеццей.

⁷⁶ «Innsbrucker Nachrichten» («Инсбрукские новости») – ежедневная тирольская газета, выходявшая с января 1864 года. В 1945 году была приостановлена и впоследствии реформирована в «Tiroler Tageszeitung».

2.1. Злополучный университетский вопрос

Итало-австрийский конфликт в Тироле начался задолго до политического кризиса разваливающейся Австрийской монархии – с конца 60-х годов XIX века, когда большинства участников этой драмы еще не было на свете. Он был связан с особенным положением Тироля, земли, исторически населенной людьми разных национальностей.

Тироль – это не собственно австрийцы, немцы, латины или итальянцы, но нечто принципиально иное, государство в государстве, сравнимое разве что с многонациональной Швейцарией, но в политическом отношении гораздо более темпераментное.

Австрийские историки довольно часто обращались к проблемам монархии рубежа веков, отразившимся и на жизни Тироля.

Исследователь Михаэль Гелер располагает основные признаки патовой ситуации в следующей последовательности:

- 1) нарушение принципа законности (вызов монархической системе, алтарю и Божественной благодати);
- 2) кризис парламентаризма как первый признак конфликта между национальностями;
- 3) кодекс чести и дуэль как метод утверждения своего социального статуса;
- 4) примат национальной и культурной гегемонии как выражение политического и идеологического господства в университетах;
- 5) политическая состязательность католицизма и науки (обсуждение секуляризма и модернизма) и постулат о свободе научных доктрин;
- 6) шпионаж и тайная дипломатия в нарушение ограничений, установленных служебной тайной и политическими обязательствами;
- 7) индивидуальный террор как выражение всемогущества политического насилия и убийство как средство управления политическими конфликтами;
- 8) дипломатические и политические скандалы, имеющие целью поиск врага и провоцирование вооруженного конфликта⁷⁷.

Упоминает о традиции дуэлей (в основном в студенческой и офицерской среде) и его коллега Андреас Бёше⁷⁸. Он рассматривает этот вопрос применительно к студенческому клубному движению второй половины XIX века. Бёше даже называет в качестве одной из жертв этой традиции известного социал-демократа Фердинанда Лассалья, застреленного в 1864 году графом фон Раковицем. Однако этот пример представляется не слишком удачным, поскольку в том конкретном случае дуэль носила не политический, а частный характер (Раковиц женился на возлюбленной Лассалья.) Очевидно, историк упоминает об этом поединке из-за членства Лассалья в одном из активных германских братств – «Burschenschaft der Raczeks Breslau»: инициатива дуэли исходила от неудачливого соперника, не умевшего решать свои проблемы иными способами.

Оружием, которым пользовались дуэлянты, были преимущественно револьверы, сабли и шпаги, а сами поединки сопровождал театральный, показной дух. Фихте называл дуэли «антинемецкой, привнесенной из-за границы традицией», имея в виду французское влияние⁷⁹. Кстати, запрет на армейские дуэли в Австрии был введен лишь в 1914 году по инициативе того

⁷⁷ Michael Gehler. Il contest politico della monarchia asburgica nel 1904 // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. – Museo storico del Trentino, 2004. P. 14.

⁷⁸ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 32.

⁷⁹ Ibid. S. 32.

же тирольского депутата Карла Грабмайра, выступившего на заседании Венского парламента с проникновенной и убедительной речью⁸⁰.

Уменьшенной проекцией «государственной» дуэли Бадени и Вольфа стали участвовавшие «поединки чести» тирольских студентов – представителей различных братств и конфессий. Достаточно было одному из студентов случайно или неслучайно задеть другого в коридоре, как за этим следовало требование сатисфакции, и уже через пару часов противники находили тихое местечко для выяснения отношений, например, обширный городской сад, в котором имелось множество тенистых закоулков. Дрались немцы старомодно – преимущественно на шпагах: револьверы были оружием итальянского студенчества.

Администрация университета боролась с дуэлянтами – прибегала к штрафам, временным арестам и запрету на посещение лекций, но ничего сделать не могла: общества, братства и партии уже существовали сами по себе – в политическом контексте страны.

* * *

Историки отмечали, что вопрос о создании независимого итальянского университета или факультета неоднократно поднимался в австрийской монархии, но на правительственный уровень переговоры вышли только к началу XX века. Территориальных предложений по расположению факультета было три – Триест, Роверето, Инсбрук.

Однако «не хватало единого и комплексного принятия решений»⁸¹.

Причиной появления инициативы по созданию отдельного факультета и дальнейшей национальной непримиримости сторон были «национальная обида и ксенофобские лозунги вроде “Итальянцы, вон!” и “Долой из Австрии!”»⁸².

На самом деле националистический лозунг звучал не «Итальянцы, вон!», а гораздо грубее – «Велши, вон!» («Welsche, raus!»). Название «Welschen» обозначает романские и ретороманские народы, живущие по соседству, и в Тироле это слово имело не нейтральную (как в Швейцарии), а негативную окраску. В контексте тех событий, о которых идет речь, оно применялось по отношению именно к итальянцам, причем уничижительно, как к народу второго сорта или народу-захватчику⁸³. В ответ на это определение итальянцы применяли, с такой же негативной окраской, слово «tedescho»⁸⁴, по большей части означавшее не столько «немцы», сколько «немчура».

Любопытно, что и сотрудничавший в «Scheerer» художник Август Пеццеи отнюдь не принадлежал к немецкой нации. Он был ладинского⁸⁵ происхождения. Но Пеццеи был выходцем из австрийской творческой элиты, известной в Инсбруке личностью, а судьба его сложилась трагично. Поэтому в газетах, уже настроенных националистически после случившегося в Инсбруке, его сразу же поспешили причислить к немцам: «Пролилась немецкая кровь!»⁸⁶.

Таким образом, «велшами» называли преимущественно уроженцев области Трентино-Альто-Адидже, говоривших на итальянском языке.

⁸⁰ Karl v. Grabmayr. Erinnerungen eines Tiroler Politikers 1892–1920... S. 176.

⁸¹ Günter Pallaver, Michael Gehler. Introduzione // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. - Museo storico del Trentino, 2004. P. 7.

⁸² Ibid. P. 7.

⁸³ В Тироле рубежа веков еще памятли были сражения с итальянскими интервентами пятидесятилетней давности – 1848 года, когда будущий глава «младотирольцев» Адольф Пихлер с венским студенческим ополчением боролся против захватчиков.

⁸⁴ В книгах и газетах применяется два написания этого слова – «tedesco» и «tedescho».

⁸⁵ Ладины относятся к ретороманским народам и говорят как на немецком, так и на ретороманском, ладинском и итальянском языках, кучно проживают в Доломитовых Альпах.

⁸⁶ Innsbrucker Nachrichten, № 252, 4 Nov. 1904, S. 1. – С такими же заголовками вышли другие газеты, посвященные этому событию.

В первое десятилетие XX века в Австрийской монархии насчитывалось 768 422 гражданина, родным языком которых был итальянский. Из них 367 тысяч проживали в Трентино и 8 тысяч – в Северном Тироле. Немецкоязычных жителей в Северном Тироле было 500 тысяч, в Трентино – 15 тысяч⁸⁷. То есть в Северном Тироле итальянцы по отношению к немцам составляли чуть больше полутора процентов, а в Южном Тироле немцы составляли по отношению к итальянцам три процента.

В этом цифровом балансе уже понятен прицельный интерес итальянцев: на земле, которую они считали своей, в округе Трентино, они занимали количественно господствующее положение, однако вынуждены были считаться с приоритетом государственного немецкого языка, а образование получали в других областях – либо в Вене (как более конформный Альчидо Де Гаспери), либо в Италии (как националистически настроенный Чезаре Баттисти).

* * *

Но к тому моменту в университете Инсбрука некоторые занятия уже проводились на итальянском языке, и началось это еще с 60-х годов XIX века. С зимнего семестра 1865 года были введены лекции на итальянском для студентов юридического факультета⁸⁸.

Некоторую абсурдность этому обстоятельству придавал тот факт, что лекции на итальянском читались немецкой профессурой.

Лишь в середине 1980-х годов началось быстрое назначение на преподавательские посты итальянцев. Это были преподаватели римского права (с 1884 года⁸⁹), немецкого законодательства (с 1892), канонического права (с 1897), уголовного права Австрийской империи (с 1898), австрийского гражданско-процессуального права (с 1901), австрийского гражданского права и политической экономии (с 1903)⁹⁰.

К началу XX века большим авторитетом у итальянцев пользовались профессор Анжело Де Губернатис⁹¹, криминолог Шипио Сигеле⁹², экономист и юрист Франческо Менестрина⁹³. Они были в числе тех профессоров, которых ирредентисты Тироля пригласили на открытие своего юридического факультета в Инсбруке в ноябре 1904 года. Учитывая скандальные и трагические обстоятельства, сопровождавшие это открытие, стоит вспомнить, что, по черной иронии судьбы, главным трудом Сигеле была книга «La folla criminale» («Криминальная толпа», 1909), посвященная как раз экстремистской, криминальной сущности агрессивного скопления людей. Этой работе он предпослал эпиграф из Энрико Ферри: «От соединения личностей в результате никогда не получается суммы, равной числу их единиц».

Граф Де Губернатис был заметной фигурой не только в науке, но и в политике. Даже его частная жизнь казалась продолжением политических интересов: он был женат на двоюродной сестре русского анархиста Михаила Бакунина. Профессор с самого начала активно занимался национальными меньшинствами Австро-Венгрии и написал несколько трудов о Далмации. Он обратил внимание на положение своих тирольских братьев по крови и в 1903 году

⁸⁷ Vgl. Kostner. Geschichte der italienischen Universitätsfrage, S. 9.

⁸⁸ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 110.

⁸⁹ С 1894 по 1904 год римское право в Инсбруке читал Джованни Паччиони.

⁹⁰ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S.111.

⁹¹ **Анжело Де Губернатис** (Angelo de Gubernatis) (1840–1913) – граф, публицист, поэт, преподаватель санскрита.

⁹² **Шипио (или Сципион) Сигеле** (Scipio Sighele) (1868–1913) – социолог и криминолог, последователь кримиологов Ч. Ломброзо и Э. Ферри, автор работ по психологии формирования криминального элемента.

⁹³ **Франческо Менестрина** (Francesco Menestrina) (28 марта 1872–11 апреля 1961) – профессор, юрист, экономист и публицист, выходец из Тренто, выпускник и профессор Инсбрукского университета. Преподавал право на итальянском языке вплоть до закрытия курсов.

начал рекламную кампанию в защиту итальянских подданных Австрии. Именно тогда он стал читать лекции в Инсбруке, постоянно подвергаясь обструкции со стороны немецких националистов. Особое, непримиримое, отношение к профессорам Де Губернатису и Лоренцони объяснялось еще и тем, что они использовали лекторскую трибуну не только для профессиональной информации, но и для изложения своих политических взглядов.

Когда профессор еще в 1903 году вынужден был покинуть Инсбрук из-за национального неприятия, рядом с центральным вокзалом его поджидали несколько сотен взбешенных пангерманистов, выкрикивавших слово «смерть!». Однако, при всей своей агрессивности, окружившие вокзал пангерманисты не прибегали к оружию. К тому же благодарные итальянцы проводили своего соотечественника на поезд, несмотря на оскорбления со всех сторон.

В 1904 году студенты-ирредентисты пригласили его на открытие итальянского юридического факультета в Инсбруке, и профессор с охотой согласился, хотя и понимал всю рискованность этого предприятия. Его это событие привлекло еще и возможностью создать резонанс в газете, которую он издавал. По некоторым данным, именно ему принадлежало ставшее историческим итальянское определение кровавых событий ноября 1904 года – «Fatti di Innsbruck». Дословно это означает – «Факты в Инсбруке», поскольку Де Губернатис сделал акцент на достоверность в передаче событий его газетой. Как он понимал, эти же события будут потом искажаться в других изданиях.

После того, что произошло осенью 1904 года, власти отказали ему, как и другим профессорам-итальянцам, в проведении лекций и конференций, несмотря на то, что все арестованные ирредентисты уже были выпущены на свободу без всяких судебных разбирательств. Но во многом и отстранение профессоров, и арест студентов были вынужденной мерой властей Инсбрука – для предотвращения дальнейшего кровопролития.

* * *

Националистическому неприятию поначалу никто не придавал значения, но оно начало нарастать уже с того момента, как только стали появляться первые параллельные итальянские курсы в Тироле. Стремительный рост количества дисциплин на итальянском языке вызвал волнение даже в университетском академическом совете. Конформистски настроенный совет поначалу занял половинчатую, выжидательную позицию, но высказал свое личное мнение: «Мы не отрицаем необходимости этих кафедр и организаций, но все же должно быть достигнуто единство немецкой профессуры в университете и в экзаменационной комиссии для немецких слушателей, чтобы не было нанесено необратимого вреда образованию»⁹⁴.

Эти антиитальянские настроения развивались еще в течение нескольких лет после введения курсов. Постепенно университет Инсбрука в конце XIX века превратился в средоточие национализма со стороны немецко-австрийского населения Тироля.

В этих кругах его продолжали считать не местом для решения национальных вопросов, а чисто немецким академическим и образовательным университетом. Отчасти это было связано с довольно влиятельной ролью инсбрукской исполнительной власти, в первую очередь – бургомистра Вильгельма Грайля, представлявшего австрийские буржуазные круги, и его заместителя Эдуарда Эрлера, активного пангерманиста, создателя Народной партии и газеты «Tiroler Tagblatt». Эти двое пользовались в Тироле большим авторитетом. Такую же политическую позицию занимали два других заместителя Грайля – Венин и Шалк.

При этом в самой «Немецкой Австрии», этом государстве в государстве, культивировалась разветвленная система всевозможных клубов, ассоциаций и братств.

⁹⁴ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S.111.

Они заручались девизами чести, верности, патриотизма, и членство в них становилось пожизненным и даже наследственным.

В общества «Akademischer Alpenklub»⁹⁵, «Burschenschaft “Germania”»⁹⁶, «Innsbrucker Akademische Burschenschaft Brixia»⁹⁷, «Burschenschaft “Pappenheimer”»⁹⁸, «Akademische Burschenschaft Suevia»⁹⁹ и пр. входили политики, интеллигенция, студенты и профессора.

С одной стороны, эти зародившиеся в габсбургской монархии многочисленные объединения, по словам историка Михаэля Гелера, служили основой для будущего партийного строительства в стране¹⁰⁰, с другой – формировали и подогревали узкогрупповые интересы, национализм, круговую поруку, а иной раз – экстремизм и опасную «la folla criminale», о которой писал Сигеле.

Историк Андреас Бёше еще более категоричен: критически описывая нравы студенческих братств 60–70-х годов XIX века, он делает вывод о зарождении воинственных расистских взглядов, которые приведут впоследствии к национал-социализму и холокосту. Историк пишет о принятом в обществах разнузданном духе сексизма и шовинизма, в частности о лозунге одного из братств – «Больше настоящих мужчин, больше поступков!», а также о приверженности студентов к выпивке (за ними даже закрепилось название «пивные мальчики») и коллективном посещении борделей, возведенном в культ мужской удалости¹⁰¹.

* * *

Австрийские профессора тоже не стояли в стороне от конфликта, поскольку многие из них пришли как раз из немецких националистических или либеральных кругов. Они сами принадлежали к немецким клубам и братствам, собиравшимся на свои заседания и часто лишь подливавшим масло в огонь.

Вскоре к ним присоединилась и более умеренная католическая немецкая профессура, сказавшая свое веское слово против двуязычного университета Инсбрука. За профессурой потянулись и студенты из католических сообществ («AKStV Tirolia», «AV Austria», «Unitas und Finkenschaft», «AV Helvetia Oenipontana», «KdStV Leopoldina», «Akademischer Leoverein», «KdStV Rhenania»). Это даже сблизило на какое-то время студентов-католиков и национал-либералов, отрицавших католицизм как власть Ватикана и поддерживавших лозунг Шёнера «Долой Рим!».

В 1869 году профессор Эмиль Кляйнсрод, выходец из Германии, утверждал, что Тироль «больше не нуждается в итальянской профессуре...»¹⁰². А чтобы это не походило на излишнюю жесткость с элементами шовинизма, профессор аргументировал свою точку зрения тем, что это делается «не для насильственного подавления итальянского языка в Тироле, но исключительно против тех, кто систематически настаивает на «вельшенизации» земель короны и призывает к тайной подрывной войне, направленной на уничтожение немецкого элемента».

⁹⁵ «Akademischer Alpenklub» («Альпийский клуб») – чрезвычайно популярное в Австрии общество, члены которого увлекались альпинизмом, историей и этнографией Альпийских гор.

⁹⁶ «Burschenschaft «Germania»» – пангерманское общество сторонников «Германской Австрии», образованное в 1892 году.

⁹⁷ «Innsbrucker Akademische Burschenschaft Brixia» – общество, образованное 10 ноября 1876 года из студентов-выпускников города Бриксен.

⁹⁸ «Burschenschaft “Pappenheimer”» – общество, образованное 27 октября 1884 года.

⁹⁹ «Akademische Burschenschaft Suevia» – общество, образованное 2 декабря 1868 года из студентов Форарльберга.

¹⁰⁰ Michael Gehler. Il contesto politico della monarchia asburgica nel 1904 // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. – Museo storico del Trentino, 2004. P. 15.

¹⁰¹ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S.36–37.

¹⁰² Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S.111.

«Невозможно вовсе не замечать, – говорил профессор, – что для Цислейтании только немецкий язык и немецкая природа, имеющие высококачественные политические основы, не нуждаются в совершенствовании. Тысячелетняя память и основные культурные традиции укоренились в современной Австрии больше, чем ранее, именно в немецком элементе, как наиболее твердом и чистейшем источнике всей цивилизации, – и где же еще искать надежды на будущее, как не в Германии?!»¹⁰³

В своем высказывании немецкий профессор не был совсем уж неправ. Тот, кто сразу же отвергнет эту мысль из-за ее своеобразной формы и избыточной экспрессивности, очевидно, просто плохо себе представляет истинное положение вещей в Австро-Венгрии, и в Тироле особенно.

Идея создания итальянского юридического факультета была окончательно похоронена властями в 1891 году, когда университет, опасаясь распада образования, упразднил параллельные курсы с преподавателями и профессорами. Профессор Хруца¹⁰⁴ вообще нагнетал напряжение, прогнозируя «тройную форму обучения», поскольку «еще и славяне, уже активизировавшиеся на юге и севере, мечтают тоже переехать в Инсбрук»¹⁰⁵.

¹⁰³ Ibid. S.111

¹⁰⁴ **Эрнст Хруца** (Ernst Hruza) (12 мая 1856–1 марта 1909) – родился в Праге, специалист по римскому и австрийскому гражданскому праву, преподавал в университете Инсбрука в 1896–1909 годах. В 1897–1898 годах был ректором.

¹⁰⁵ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S.111.

2.2. Ирредента

Итальянцы Тироля были недовольны, оскорблены и еще больше преисполнились желания воплотить в жизнь свои идеи. К тому моменту они представляли собой уже не просто диаспору внутри другого государства, а некое новое явление, еще малоизвестное в то время политической науке и получившее итальянское название «Irredenta»¹⁰⁶.

Феномен ирредентизма возник не только из-за большого количества итальянцев, оказавшихся фактически запертыми на территории соседнего государства, но и из-за особенности итальянского менталитета, не склонного к ассимиляции. Австрийцы называли это качество итальянцев «священным эгоизмом». Но достаточно вспомнить, как в 1848 году князь Меттерних презрительно назвал живущих вне Италии итальянцев «географическим понятием», а не нацией, и обида тирольских итальянцев станет понятна.

Причиной противоречий и территориальных претензий была патриотическая двойственность живущих в Тироле итальянцев: наряду с чувством исторической родины (Италии) у этих людей было и чувство своей собственной земли – то есть «малой родины» (Трентино и Альта-Адижде). Сочетание того и другого сделало их проблему не разрешимой никаким другим способом кроме насильственного. Об этом в наибольшей степени свидетельствуют последующие события Первой мировой войны.

История гласит, что Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией возник в мае 1882 года. В его основе лежали австро-германский союзный договор от 1 октября 1879 года, союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией от 20 мая 1882 года. 6 мая 1891 года союз был возобновлен. Его основными статьями стали II и III, перешедшие из прежних договоров 1882 и 1891 годов без изменений. В них говорилось, что Италия в случае неспровоцированного нападения Франции получит помощь со стороны союзников. Такое же обязательство ляжет на Италию, если Франция нападет на Германию без прямого вызова со стороны последней. Также, если одна или две из договаривающихся сторон без прямого с их стороны вызова подвергнутся нападению и будут вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то «*casus foederis*» (обстоятельства, требующие исполнения договора) наступит одновременно для всех договаривающихся сторон. При этом Тройственный союз принял особое заявление Италии о том, что участие Англии в войне с Тройственным союзом исключает союзничество Италии по причине уязвимости ее территории для британского флота.

Было еще одно обстоятельство, не преданное огласке: Италия активно сближалась с Францией. Подписав в 1902 году возобновление договора с Тройственным союзом, Италия уже 1 ноября того же года заключила в Риме соглашение с Францией, по которому в случае нападения Германии на Францию Италия будет придерживаться нейтралитета¹⁰⁷.

С дипломатической точки зрения одновременное подписание двух противоречивших друг другу договоров выглядело странно и не слишком корректно. Поведение Италии заставляло Австрию относиться к ней с недоверием.

Тройственный союз был нарушен в августе 1914 года, когда итальянское правительство отказалось вступить в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии. Италией был объявлен нейтралитет. Позиция руководства Италии объяснялась тем, что вторая и третья статьи союзного договора в данных обстоятельствах неприменимы к Италии, поскольку военная ситуация,

¹⁰⁶ Irredenta («неискупленная», *итал.*) – национал-патриотический союз, основанный Менотти Гарибальди в 1878 году. Своей целью он считал присоединение к Италии пограничных территорий Австро-Венгрии с итальянским населением – Трентино и Трентино-Альта-Адижде.

¹⁰⁷ Дипломатический словарь в 3-х томах. – М.: Наука, 1986. Т. III. С. 482–483.

предусмотренная в этих статьях, не имела места: Австрия вела не оборонительную, а наступательную войну.

В это время в Италии стали популярны милитаристские тенденции и началось движение за вступление в войну на стороне Антанты, которое возглавили тирольский социалист Чезаре Баттисти и модный итальянский драматург Габриеле Д'Аннунцио, определявший взгляды новой творческой интеллигенции. В инициативную группу сторонников военных действий против Австрии, помимо Баттисти и Д'Аннунцио, входили Рикардо Джиганте, Армандо Ходник, Джованни Хост-Вентури, Эмилио Маркуци, Энрико Бурч, Ичилио Бачич и уроженцы Триеста – СлатAPER, Сауро, Тамаро и Каприн. Они устраивали демонстрации против парламента и «нейтралистов», добиваясь вступления Италии в войну.

Как известно, позицию нейтралитета по отношению к несправедливой со стороны Германии и Австрии войны поддерживал ряд итальянских депутатов во главе с Джованни Джолитти¹⁰⁸. В их число входил и доктор филологии Альчиде Де Гаспери – тирольский итальянец, бывший товарищ Баттисти, участник событий ноября 1904 года и будущий премьер-министр Италии.

Чтобы предотвратить вступление Италии в войну на стороне Антанты, Германия предложила Австро-Венгрии отдать Италии территории, населенные итальянцами, и германский посол в Италии граф фон Бюлов оповестил об этом Джолитти. Тот сразу же поставил в известность парламент Италии, полагая, что это остановит сторонников войны с Австрией. Началось голосование по этому вопросу, результат которого совершенно обескуражил Джолитти и его соратников: нейтралитет поддержали 320 депутатов, но агитация противников нейтралитета оказалась сильнее, и 508 голосов было подано за вступление в войну.

После этого премьер-министр Саландра¹⁰⁹ попытался подать в отставку, но король Италии ее не принял, а проигравший парламентскую борьбу Джованни Джолитти, потрясенный таким исходом, уехал из столицы.

23 мая 1915 года итальянский посол в Вене объявил о начале войны. Неделями раньше был заключен секретный пакт в Лондоне, в котором говорилось, что Италия отделилась от Тройственного союза, созданного совместно с Австрией и Германией, и присоединилась к державам Антанты (Россия, Англия и Франция). Там подтверждалось, что Италия взяла на себя обязательство вступить в войну против Австро-Венгерской империи в обмен на территории Трентино, Истрии и части Далмации.

Самое необычное положение оказалось в этой ситуации у Чезаре Баттисти: продолжая оставаться депутатом Венского парламента, то есть официальной политической фигурой в Австрии, он стал врагом собственного государства и откровенно высказался о своей позиции по отношению к Вене на страницах газеты «Secolo» от 10 декабря 1914 года. Руководствовался он при этом все теми же прагматическими соображениями: союзничество с Антантой в обмен на Тироль. В шестнадцати пунктах итальянских требований к Антанте, помимо Трентино, в качестве территорий аннексии назывались Триест, Южный Тироль, Истрия и Далмация. В список требований входили города Фиуме, Горица, Градиско¹¹⁰.

По словам русского военного журналиста и историка К. Шумского, «столкновение Италии с Австрией, в случае европейской войны, и даже в отдельности, само по себе, без общеевропейской войны, было почти неизбежно, и к этому вели все военные приготовления обеих сторон», и далее: «Область Триента имеет громадное значение, ибо она выдается выступом на итальянскую территорию. Поэтому австрийцы, занимающие Триент, всегда могут угрожать

¹⁰⁸ **Джованни Джолитти** (Giovanni Giolitti) (27 октября 1842–17 июля 1928) – политик, премьер-министр Италии в 1893–1895, 1903–1905, 1906–1909, 1911–1914, 1920–1921 годах.

¹⁰⁹ **Антонио Саландра** (Antonio Salandra) (13 августа 1853–9 декабря 1931) – политик и ученый, профессор, специалист по административному праву, премьер-министр Италии с 1914 по 1916 год.

¹¹⁰ L. Aldrovandi Marescotti. Guerra Diplomatica. Milano, 1937. P. P. 38, 41–42, 45–46.

отрезать итальянскую армию в случае ее наступления к Триесту. Итальянцы говорят, что область Триента “вонзается, как клык, в самое сердце итальянского тела”»¹¹¹.

Интонации статьи в русской «Ниве» 1916 года недвусмысленно показывают позицию воюющей России по отношению к австро-итальянскому конфликту. Как члену Антанты, России импонировали действия итальянской стороны, но не только это: трагический и затяжной военный театр на реке Изонцо оттянул значительные силы противника от русского фронта и дал России столь необходимую ей передышку в сражении с немцами.

Ценой такой передышки стала жизнь многих итальянцев, не вернувшихся с Трентинской операции весной и летом 1916 года.

Поражение в Трентинской операции произвело на Италию тяжелое впечатление и приобрело характер национальной трагедии. По первоначальным историческим оценкам, роковую роль в исходе Трентинской операции 1916 года сыграла самоуверенность начальника генштаба Луиджи Кадорна¹¹², считавшего, что победа над австрийцами будет легкой и противники не станут бросать все силы на Итальянский фронт. На самом деле причина заключалась не в дезориентации начальника Генштаба, а в медлительности и неумелом ориентировании итальянцев в горах Тироля. К тому же австрийцы до этого уже успели повоевать на Восточном фронте и овладели военным опытом.

Их отряды состояли из хорошо подготовленных горных стрелков, в то время как среди итальянцев таких специалистов были единицы – в основном это были уроженцы Южного Тироля, которые из-за своего знания местности назначались командирами отрядов и, соответственно, принимали на себя первый удар австрийцев, поскольку автоматически обретали статус предателей.

Сами отряды представляли собой группы этнических жителей Италии, которые плохо понимали особенности горной войны.

С наспех отпечатанной в Риме инструкцией для пехотинцев¹¹³ в кармане они едва ли могли быстро овладеть практикой столь сложных военных действий. Реальность оказалась намного страшнее инструкции.

Можно себе представить весь ужас пребывания внутри пещер и тоннелей в течение суток и целых недель, а также акробатического лазанья итальянских новобранцев по горным склонам. Фотографии того времени доносят до нас эти картины – длинные лестницы от одного уступа к другому, душные подземелья, гроты и узкие ходы внутри горы, тяжелый солдатский быт.

* * *

Позиция, занятая Австрией по отношению к своему бывшему политическому союзнику, перекинувшемуся на сторону противника, хорошо сформулирована в словах патетического обращения кайзера Франца-Иосифа I¹¹⁴ к своему народу. Эти слова помещены на памятных нагрудных знаках австрийцев 1915 года: «Ein Treuebruch, dessengleichen die Geschichte nicht kennt» – «Предательство, какого не знает история».

Впоследствии слово «ирредента» станут применять уже не только к итальянским группам, но ко всякому целостному народу, проживающему на территории другой страны по зако-

¹¹¹ Шумский К. Борьба за Адриатику и Тироль. – Нива: Приложение. Т. 2. 1916, № 5, май. С. 8, 9.

¹¹² **Луиджи Кадорна** (Luigi Cadorna) (4 сентября 1850–23 декабря 1928) – граф. На военной службе с 1866 года. Командовал полком, дивизией, корпусом. В 1914 году назначен начальником Генштаба и возглавлял итальянскую армию в наступлениях у реки Изонцо в 1915–1917 годах. С 1924 года – итальянский маршал.

¹¹³ Addestramento della Fanteria al combattimento Fascicolo 1. Istruzione della recluta / Edizione provvisoria – Roma: Tipografia del senato, 1916.

¹¹⁴ Восьмидесятишестилетний император Австрии не дожил до конца этой войны, он скончался 21 ноября 1916 года.

нам своей исторической родины. Упрямство в достижении цели, единство, непримиримость и радикализм сделали такое явление, как ирредента, чуть ли не главной проблемой XX века.

2.3. «Paese grande»¹¹⁵

Рядом с Тироле все время ощущалось горячее дыхание союзной средиземноморской державы, некогда владевшей этими землями и теперь получившей на них мощного троянского коня в лице ирредентистских студенческих организаций.

Италия¹¹⁶ начала XX века была страной идеализма, эстетизма и университетов. Сочетание ветхой древности с радикально-экстремистским стремлением к новизне определяло настроения итальянцев, придавая итальянской культуре рубежа XIX и XX веков неповторимый авантюрный шарм и декадентский привкус. Страсть к созданию всевозможных великих теорий и всеобъемлющих энциклопедий охватила интеллигенцию. Журналисты были философами, а философы – журналистами. Двое самых энергичных из этой братии – Джованни Джентиле¹¹⁷ и Бенедетто Кроче¹¹⁸ – сочиняли о великом будущем манифесты и статьи для журнала «La Critica».

Это идеалистическое и антиметафизическое будущее было до того красивым и неясным, что едва ли когда-нибудь могло из мечты перерасти в реальность, но в нем виделась никогда не заканчивающаяся революция, переворот во всех областях жизни: «Автор сего полагает, что один из самых больших успехов Италии за последние десятилетия – соблюдение правил, установленных университетами, школами и другими учреждениями образования в методах поиска и архивации. Поэтому автор является убежденным сторонником того, что называется историческим или филологическим методом. Но с той же убежденностью он считает, что подобного метода недостаточно для удовлетворения всех потребностей мысли. Следует способствовать пробуждению философского духа в обществе. В этом смысле критика, историография и сама философия могут извлечь пользу из продуманного возвращения к традициям познания, в которых сверкала идея духовного синтеза, идея гуманизма. К несчастью, эти традиции оказались прерваны после завершения итальянской революции»¹¹⁹.

* * *

В то же время в литературно-политических салонах культурной аристократии набирал силу уже упомянутый ранее эстет Габриеле Д'Аннунцио – будущий автор не только романов, пьес, статей и стихотворных сборников, но и того самого осужденного австрийским кайзером в 1915 году «предательства, какого не знает история».

Да, это его, Габриеле, идея – предать договор с Австрией и поторговаться с Антантой за Южный Тироль. Его, а вовсе не уроженца Тренто Чезаре Баттисти, готового расшибить себе голову за эту идею. А ведь Д'Аннунцио даже и не жил там, в Тироле, в Тренто. Зачем ему? Главное – ворваться, на шуметь, заявить о себе, а потом облить всех ледяным взглядом. И его будут вспоминать в истории как автора этого дерзкого прорыва. Одним – виселица, другим – слава.

¹¹⁵ «Большая родина» (итал.).

¹¹⁶ В то время ее иногда называли «Italia terza» – «Третья Италия».

¹¹⁷ **Джованни Джентиле** (Giovanni Gentile) (30 мая 1875–15 апреля 1944) – философ и педагог, автор идеалистических манифестов совместно с Бенедетто Кроче. Профессор философии в Палермо, Пизе и Риме. Став членом правительства Муссолини в 1923 году, разошелся с Кроче во взглядах. 15 апреля 1944 года во Флоренции к его автомобилю подошли под видом студентов трое партизан, Джентиле опустил стекло и был сразу же застрелен.

¹¹⁸ **Бенедетто Кроче** (Benedetto Croce) (25 февраля 1866–20 ноября 1952) – политик, историк, апологет неогегельянства, один из крупнейших философов начала XX века. Автор работы «Эстетика как наука выражения и как общая лингвистика» (1902). Называл свою систему взглядов «антиметафизическим идеализмом».

¹¹⁹ Premessa / La Critica, 1 Nov., Anno. 1902.

В начале Первой мировой войны Д'Аннунцио выступал на политические темы: «Без нас они сыграли фарс объединения в Лигу – объединения, которое разъединяет. Они замышляют подписать без нас этот клочок бумаги, который у них называется справедливым миром. Без нас они уже готовятся извлечь выгоду из нашей нерешительности и нашей медлительности! Итак, я утверждаю – если наши руководители вернутся на те же места, все будет потеряно, даже честь!»¹²⁰

Его выступления режет цензура, но память остается.

Чезаре Баттисти был героем и молодежным лидером в Южном Тироле. В Риме он лишь один из борцов ирреденты, один из политиков-эмигрантов. Его еще мало замечают и мало откликаются. И пока Д'Аннунцио громогласно презентует свою идею в салонах аристократии и коридорах власти, Чезаре идет на радикальный шаг – он врывается в кабинет императора Виктора-Эммануила и страстно убеждает его, тоже географа по образованию, что вступить в войну за итальянский Тироль необходимо, потому что у них, трентинских итальянцев, есть все, чтобы победить, – знание местности, силы, воля, готовность умереть за правое дело. И ведь убедил.

Странно это – умереть за свою родину, но за чужую идею. А ведь именно такое с ним и случится: он пойдет воевать за идею, громко высказанную заносчивым поэтом Рапаньетта из провинции Абруцца, автором салонных эротических романов и пьес о сверхчеловеке.

При упоминании идеи освобождения Тренто имя Чезаре Баттисти в словарях даже не упоминается. Он не герой этого прорыва, а его священная жертва.

Сам шумный синьор Рапаньетта-Д'Аннунцио тоже сначала повоюет за свою идею с оружием в руках, но – вот досада! – на фронте ведь нет публики, и аплодисментов ему не дожидаться. И тогда он совершит резонансный поступок. Кому еще, кроме Д'Аннунцио, пришлось бы в голову на самолете кружить над Веной, разбрасывая вороха листовок?¹²¹ Это ведь гораздо интереснее, чем потрясать стихами общество дремотной, пропахшей цветами и пудрой итальянской гостиной. Поэту Д'Аннунцио мало было сочинять причудливые монументальные драмы о мертвых людях на живых обломках великого римского прошлого, вроде «Мертвого города». Ему мало было придумывать новеллы, исполненные эротизма, величия и духа смерти. Ему мало было слыть патриотом, философом, политиком. Д'Аннунцио желал быть не только творцом, но и музой: он желал не только красиво писать, но и красиво жить. От несчастной любви к этому искусительному триумфатору великая актриса Элеонора Дузе резала себе вены, маркиза Карлотти ушла в монастырь, а графиня Манчини попала в сумасшедший дом. Д'Аннунцио ничего не стоило похитить аристократку из почтенного семейства только для того, чтобы узаконив брак, обрести вожделенный дворянский титул. В Италии титул – это стильно и престижно, она еще жила вкусами дряхлеющих времен. Особенно титулы нравились дамам. Одна только Айседора Дункан не отвечала ему взаимностью, потому что слишком уважала Элеонору Дузе и ее чувства к этому буйному поэту.

Позднее апологеты и биографы Д'Аннунцио, оказавшиеся во власти сокрушительного обаяния этой личности, не могли прийти к единому знаменателю при создании внешнего портрета: одни видели его brutальным провинциалом с крепкими рабочими руками и глазами мелкооптового торговца, другие – утонченным столичным дворянином с изящными пальцами и томным взором. Художник Бенуа вообще изобразил его штрихами – в виде эскиза, где человека не разглядеть, а есть только загадка. Но он был не первым и не вторым, а чем-то еще, не похожим на свои портреты. Возможно, той самой загадкой с эскиза Бенуа. Ему это льстило.

¹²⁰ L. Aldrovandi Marescotti. Guerra Diplomatica. Milano, 1937. P. 225.

¹²¹ Габриеле Д'Аннунцио был летчиком и возглавлял 87-ю итальянскую эскадрилью.

Д'Аннунцио мог совершить нечто из ряда вон выходящее. Например, попытаться провратиться на встречу с американским послом, размахивая револьвером. Посол Пейдж¹²² был в ужасе от эпатажных появлений этого сумасшедшего драматурга на политических раутах. Он и сам писатель, но в политике человек умеренный и спокойный. Пейдж даже пообещал: если 4 мая Д'Аннунцио опять пустят на заседание, дипломатические отношения США с Италией будут прерваны.

А возмущенный господин поэт Рапаньетта-Д'Аннунцио недоумевает: «Как так? Мы же вступили в войну! Выполнили все условия договора! Где обещанная Далмация? Где Фиуме?»

На заседании в Риме, даже в отсутствие буйного Д'Аннунцио с его револьвером, речь идет о том же самом – о Фиуме, ставшем камнем преткновения из-за преобладающего в нем итальянского населения. Премьер Орландо¹²³ с неподражаемой, почти самоубийственной, патетикой бьется с американским президентом Вильсоном¹²⁴ и недоумевающими западными дипломатами за этот город.

«Премьер Орландо: Я утверждаю, что, если Фиуме не будет передан Италии, это вызовет в итальянском народе столь сильную бурю протеста и ненависти, что они приведут в сравнительно недалеком будущем к глубоким конфликтам <...>

Я вновь настаиваю на своей мысли и утверждаю, что, если Фиуме не будет передан Италии, факт этот по своим последствиям окажется в огромной степени роковым как для интересов Италии, так и для международного мира <...>

Следует продолжительное молчание.

Вильсон: Невероятно, чтобы представители Италии встали на эту позицию!»¹²⁵.

Факт этот стал роковым в первую очередь для самого премьера Орландо: в 1919 году ему выдали в Италии вотум недоверия, и он ушел со своего поста. Можно себе представить и недоумение Вильсона: он впервые столкнулся с такой своеобразной манерой ведения дипломатических переговоров.

А пока политики совещались, мятежный писатель догадался, что Фиуме Италии не видать как своих ушей: премьера Орландо все эти англо-американцы уболтают, а город отдадут хорватам или сербам. Стоял сентябрь 1919 года, надеяться уже было не на что. И Д'Аннунцио плюнул на переговоры. Он просто сел в самолет, завел двигатель, полетел в Фиуме и... захватил город.

Самовольный захват города Фиуме писателем Габриеле Д'Аннунцио – одна из самых ярких и авантюрных страниц истории, напоминающая анекдот. Впрочем, Антанте было не до шуток. В захваченном городе во главе двух тысяч ополченцев итальянский поэт почти два года сидел самопровозглашенным бургомистром, а изумленные страны-союзницы не могли его оттуда выкурить никакими силами. При этом хитрый Д'Аннунцио вовсе не отвергал политических решений Рапалло и не собирался включать Фиуме в состав Италии, тем более что Италия и сама вынуждена была объявить мятежному поэту бойкот.

Эстет Д'Аннунцио поступил оригинальнее: он провозгласил город Фиуме независимой Республикой Красоты, конституция которой была написана им самим, и, разумеется, в стихотворной форме. Он поднял над городом красный флаг с девизом «Кто против нас?» и назначил на пост министра культуры своего друга, дирижера Артуро Тосканини.

¹²² **Томас Нельсон Пейдж** (Thomas Nelson Page) (23 апреля 1853–1 ноября 1922) – американский писатель, посол США в Италии в 1913–1919 годах. На эту тему в 1920 году опубликовал мемуары «Italy and the World War». Автор более 20 книг.

¹²³ **Витторио Эмануэле Орландо** (Vittorio Emanuele Orlando) (19 мая 1860–1 декабря 1952) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1917–1919 годах.

¹²⁴ **Томас Вудро Вильсон** (Thomas Woodrow Wilson) (1856–1921) – 28-й президент США в 1913–1921 годах. В Первой мировой войне выступал за нейтралитет США, но активно проводил политику американского влияния.

¹²⁵ L. Aldrovandi Marescotti. Guerra Diplomatica. Milano, 1937. P. 181.

Неизвестно, что было бы дальше, если бы в конце декабря 1920 года Республику Красоты не обстрелял лишенный творческого воображения британский флот. Лишь после этого самопровозглашенное государство было покинуто его создателями.

Остается только удивляться, как при такой насыщенной жизни Габриеле Д'Аннунцио удалось умереть в преклонном возрасте от апоплексического удара.

Вот такие они, эти римляне.

* * *

А в первом десятилетии века Чезаре Баттисти еще не был ни депутатом Венского парламента, ни лейтенантом отряда «альпини», ни австрийским дезертиром, ни итальянским великомучеником. Он продолжал свою политическую и издательскую деятельность в Тренто. И как всякому лидеру политического движения, ему хотелось иметь преданных делу учеников. Вот почему он с такой радостью привлек к работе одного перспективного юношу, выходца из простой, но политически грамотной семьи сельского кузнеца.

У молодого человека был неподвижный взгляд сливовых глаз и грубоватые манеры, но он был напорист, настойчив и очень убедителен. Чезаре даже сделал этого замечательного молодого социалиста редактором своей газеты, увидев в нем преданного ученика и продолжателя дела итальянского патриотизма.

Такое пристрастие Баттисти у многих вызывало недоумение: юноша казался необразованным и даже социально неадекватным, попросту говоря – внесоциальным. Есть какая-то ирония в том, что в детстве этого мальчика определили в школу монахов города Фаэнцы, хотя уже тогда он имел явные криминальные наклонности и был жесток и мстителен. Впрочем, то был не единственный пример в истории, когда будущие преступники и тираны начинали свой жизненный путь в стенах семинарии или монастыря.

Грубые манеры, самодовольный взгляд налитых злобой глаз и вспыльчивый нрав почему-то не смущали Баттисти, тем более что ученик постоянно демонстрировал преданность учителю. А кто против этого устоит? Не смущали его манеры и женщин: они слетались к этому юному борцу как мотыльки на свет. Лишь одна из них, политизированная русская эмигрантка и дама полусвета Анна Кулешова, не станет жертвой его харизмы и даст ему меткую оценку: «Сентиментальный стихоплет, начитавшийся Ницше». Впоследствии знавшие этого молодого человека люди подвергали сомнению только первую часть определения Кулешовой: сентиментальным этот юноша уже не казался.

Из школы подающего надежды отрока выгнали: он не брезговал поножовщиной и драками, воткнул старшекласснику стилет под ребро, угрожал директору местной фабрики палкой, а потом вообще сбежал и бродяжничал, промышляя воровством, вместо того, чтобы учиться. Как ему удалось все-таки получить аттестат зрелости, да еще и устроиться на работу школьным учителем, знает только история.

* * *

Италии начала XX века пока далеко до всех этих удивительных событий. И провинциальный молодой человек пока еще только посещает лекции профессора Вильфредо Парето на экономическом факультете в швейцарской Лозанне. Со своим будущим шеф-редактором и покровителем Чезаре Баттисти он еще не знаком, хотя уже знаком с эмигрантом Владимиром Лениным и русскими анархистами. Юноша тогда вполне определился со своим предназначением: ему пришлось по душе лекции Парето, на которых говорилось, что власть всегда принадлежит немногим избранным. Демократические и аристократические государства никогда не поднимались выше посредственностей. Можно достичь успеха, лишь доверив правление

одной личности, одаренной большим талантом, более образованной, чем масса. Только такая личность сможет руководить массой и давать ей советы.

Себя он уже в 1902 году считал большим талантом, более образованным, чем масса, а всех остальных – толпой, состоящей из посредственностей. Но ведь это так типично для будущего политического лидера. Они эксцентричные люди, эти политики. У молодого ученика Баттисти и прозвище-то было эксцентричное – Маленький дуче. До Большого дуче оставалось совсем немного.

* * *

А в это самое время, когда век еще только начинается, ирредентисты Тироля отчаянно борются за свои права на маленьком клочке земли в надоевшем до оскомины чужом королевстве, которое по стечению обстоятельств оказалось для них домом. Самые энергичные из них уже видели в будущем объединение своей малой родины с Италией. Однако пока их единственным требованием оставался итальянский факультет права на австрийской земле.

В своем выступлении на конференции, посвященной столетию инсбрукских событий 1904 года, социолог Ева Бауэр отмечала, что сращивание университетского, студенческого вопроса с ирредентистами, «которые не посещали этот университет, наводит на мысль, что это было сознательным и продуманным решением, направленным на придание веса своим собственным <...> объединениям»¹²⁶.

В среде студентов ирреденты выделилась своя активная верхушка: Чезаре Баттисти – уже дипломированный доктор философии и глава социалистической партии Трентино, Антонио Пиджеле – журналист с юридическим образованием и социалистическими взглядами, и Альчиде Де Гаспери – студент-филолог четвертого курса Венского университета, член христианской Народной партии Тренто и правая рука трентинского епископа Эндричи. Верхушка эта оказалась далеко не однородна.

Чезаре Джузеппе Баттисти родился в Тренто 4 февраля 1875 года. Его родителями были богатый тирольский коммерсант и итальянская графиня из древнего рода Фоголари. В их семье Чезаре был младшим, восьмым, ребенком. Отец, хозяин магазина, умер в 1890 году, когда сыну было пятнадцать. В тот же год он поступил в среднюю школу Тренто, где сразу оказался в оппозиции к преподаванию гуманитарных дисциплин. Вместо немецких поэтов он декламировал итальянских. На уроках истории Баттисти интересовался не Австро-Венгрией и Наполеоновскими войнами, а историей Италии и Трентино. При этом он вызывающе пел на переменах итальянские песни, а то, что преподавали в школе, считал конформизмом.

Настроения, типичные для аристократического рода Фоголари, происходящего из трентинского Роверето и хорошо известного своими традициями с 10 сентября 1776 года, когда фамилии был пожалован рыцарский диплом. Дедушка будущего лидера ирреденты, граф Фоголари де Тольдо, был истинным рыцарем и отличался активным политическим поведением. Он даже приговаривался к смертной казни за свою деятельность, но был помилован. Его внуку повезет значительно меньше.

В 1893 году Баттисти поступил в университет Граца, но это было для него простой формальностью, и он вскоре бросил учебу. При этом он успел побывать еще и в Вене, где его появление не осталось незамеченным. В середине ноября 1895 года в Вене вышел первый номер журнала «L'Avvenire» («Будущее») с подзаголовком «Organo per la sezione italiana del partito

¹²⁶ Eva M. Bauer. Camerati, commilitoni e complici: struttura organizzativa del movimento studentesco italiano nella monarchia asburgica all'inizio del Novecento // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. – Museo storico del Trentino, 2004. P. 121.

sociale-democratico in Austria»¹²⁷. В этом номере было три материала Баттисти – «La sezione italiana del partito sociale – democratico in Austria»; «Patria e socialism»; «Istruitevi ed istruite»¹²⁸. Журнал первоначально создавался в Тренто, но был запрещен к печати, поэтому появился в Вене. Впрочем, там на него тоже наложился запрет.

Через год Баттисти уехал в Италию, где стал студентом Института высших исследований во Флоренции. Именно там он сделался приверженцем ирредентизма. Вокруг энергичного тирольца сформировался кружок единомышленников: Гаэтано Сальвемини, Дженао Мондаини, Ассунто Мори, братья Рудольфо и Уго Мондольфо. К ним присоединилась и студентка из Брешии Эрнеста Биттанти, привлеченная обаянием тирольского бунтаря.

К социализму Баттисти привел во многом романтический ореол этого учения. Вообще очень многое в жизни и деятельности Баттисти приобретало романтический, экзальтированный оттенок. Социалистам нравилось, что их преследуют консервативные круги и правительство, что их деятельность полна опасностей. Эта приверженность была в большей степени основана на вере и в меньшей – на теории и науке. В 1895 году Баттисти отправился в Турин, где нарастало политическое движение, и принял участие в только что образованных трудовых комитетах.

Через год он вернулся во Флоренцию защищать диссертацию под руководством Джованни Маринелли. В университете Баттисти учился философии, этнографии и географии, что, бесспорно, имело колоссальное значение для знания родного края, а также горных склонов и пещер Тироля, по которым Чезаре лазил еще в детстве и куда он через полтора десятилетия отправится воевать на стороне Италии.

В апреле 1898 года Баттисти произвел впечатление своим выступлением на третьем съезде географического института итальянского языка во Флоренции, где сделал доклад об этнографии и итальянских диалектах Тироля. Диссертация, которую он представил в 1898 году в Королевском институте высших наук во Флоренции, была посвящена социологии, этнографии и географии Трентино. Работа называлась «Трентино. Очерк физической географии и антропогеографии», и в ней было точное описание горной системы, главы о тирольском населении и морфологии, прилагалось много авторских карт. Она имела большой успех, была опубликована в Трентино в 1898 году и выиграла на конкурсе как лучшая публикация.

Одоблив эту работу и поздравив доктора Баттисти, профессор Паскуале Виллари сказал ему, что перед ним открывается блестящая перспектива талантливого ученого. Возможно, так бы оно и было.

Работы Баттисти действительно представляли большой интерес: его исследования проводились с использованием критериев, которые до сих пор не устарели и выдержали испытание временем.

Баттисти думал об экономическом развитии Трентино, о вопросах занятости и социальной сферы, однако была в его работах одна особенность. Баттисти рассматривал этот регион исключительно в контексте итальянской экономики: опережая время, он просчитывал все так, будто Трентино уже являлся частью Италии – официально признанной государственной частью.

В 1898 году Баттисти стал издавать научно-исследовательский журнал «Tridentum», а в 1899 году – журнал «La Cultura geografica», но у него были совсем другие цели, далекие от чистой науки или культуры.

7 августа 1899 года в Италии двадцатичетырехлетний доктор Баттисти женился на Эрнесте Биттанти. Она была уже известной в светских кругах красавицей, разделявшей его убеж-

¹²⁷ «Орган итальянской секции социал-демократической партии Австрии» (итал.).

¹²⁸ «Итальянская секция социал-демократической партии Австрии»; «Родина и социализм»; «Воспитание и образование» (итал.).

дения и входившей в его флорентийский кружок. Тогда же, в 1899-м, он вернулся в Тренто вместе с женой. Эрнеста казалась женщиной необычной, особенно для итальянской провинции того времени: эмансипированной, образованной и политически грамотной. А Тренто в то время был именно итальянской провинцией Австрии.

В комментариях исследователя Джулио Бедески Чезаре Баттисти предстает «потомком дворянско-купеческой богатой и религиозной семьи, сыном хозяина продуктового магазина, жизнь которого могла бы течь спокойно, без потрясений, если бы он с самого детства не испытывал врожденного беспокойства, инстинктивного интереса к жизни и проблемам своих близких. Это обратило его с юных лет к страданиям других, к изучению социальных противоречий в Трентино. Любовь к родной земле с самого начала соединилась в нем с осознанием рабства этой земли, периферийной провинции империи Габсбургов»¹²⁹.

Однако, несмотря на рабское и периферийное положение Тренто, там тоже процветали аристократические салоны, подобные римским. В этих салонах поддерживался дух светского общения, почитания искусства и политического вольномыслия. Чета Баттисти адекватно влилась в атмосферу местных салонов и была принята вольнолюбивым обществом.

Невесте было двадцать девять, говорили, что она относилась к своему более молодому супругу трепетно и несколько покровительственно. Впрочем, Эрнесту называли и ангелом-хранителем «сущего дьявола» Чезаре. В каком-то смысле это был идеальный «марксистский» брак: Баттисти смотрели не столько «друг на друга», сколько – «в одном направлении», преданно защищая свои идеалы. Тем не менее эта пара составила весьма интересную и очень крепкую семью, в которой выросло трое детей – Луиджи (1901–1946), Ливия (1907–1978) и Камилло (1910–1982).

Их первенец Джиджино (Луиджи) уже после Второй мировой войны стал бургомистром одного из городов Италии и погиб в железнодорожной катастрофе. Ливия создала Ассоциацию туристических и образовательных учреждений Тренто, а в 1972 году написала книгу о своем отце – «Чезаре Баттисти: процесс и самозащита»¹³⁰.

О Камилло Баттисти известно куда меньше, чем о старших брате и сестре. В отличие от родителей, брата и сестры он держался в стороне от активной политической жизни и посвятил себя профессии инженера-механика на заводе.

Кстати, в вопросе создания высокоидеальной семьи земляк и будущий оппонент Баттисти Альчиде Де Гаспери его превзошел: он считал, что супругов должна сближать любовь к Всевышнему – тоже брак, в котором супруги смотрят в одном направлении, разница только в самой избранной идее. В 1921 году, сватаясь к Франческе Романи, он писал ей: «Личность живого Христа привлекает, покоряет и успокаивает меня, как ребенка. Приди ко мне, я хочу, чтобы нас вместе, как к пропасти, сотканной из света, влекло это упоение»¹³¹.

* * *

После Первой мировой войны преданность Эрнесты Биттанти погибшему мужу носила несколько театральный характер, что, впрочем, типично для Италии, где вдова национального героя-мученика стала символом верности семье и политическим идеалам своего мужа.

¹²⁹ Giulio Bedeschi. *Notiziario del Gruppo Milano Centro «Giulio Bedeschi»: Cesare Battisti. 10–12 luglio 1916 / A cura di Andrea Bianchi. P. 3–4.*

¹³⁰ Livia Battisti. *Cesare Battisti: processi e autodifese. – Trento: Arti grafiche Saturnia, 1972.*

¹³¹ Paul Johnson. *Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties. – HarperCollins Publishers, 1991. P. 578–579.*

Впоследствии об этой неординарной общественной деятельнице, авторе романтически-пафосного гимна города Тренто, будет написана книга «Эрнеста Биттанти Баттисти. Последняя женщина итальянского Рисорджименто»¹³².

* * *

К 1904 году двадцатидевятилетний Баттисти уже окончил университет Флоренции, защитил диссертацию и был доктором философии, но его практическая журналистская и издательская деятельность значительно перевешивала по значимости его научные изыскания.

Вообще рубеж XX века представлял собой какое-то торжество политического экзгибиционизма: все поголовно жаждали издавать газеты и выплескивать свои взгляды и мысли на широкие массы. Газеты, газетки и листки множились как грибы после дождя. Каждое общество, каждое политическое ответвление хотело иметь свой орган информации. Такое положение является симптомом приближающегося партийного и политического строительства в обществе и передела старого мира.

Чезаре Баттисти издавал газету «Il Popolo» («Народ»), в которой клеймил австрийскую верхушку и предсказывал грядущие битвы с немецкими националистами Тироля за итальянский факультет. Его земляк Альчиде Де Гаспери издавал «Il Trentino», газету католической направленности.

Альчиде Де Гаспери родился в Тренто 3 апреля 1881 года. Его отец, Амедео Де Гаспери, гордился тем, что, будучи итальянцем, смог стать австрийским полицейским офицером, а потом и главой жандармерии. Для трентинских итальянцев, составлявших принципиальную оппозицию Австрийской монархии, такое участие в государственной карательной структуре выглядело не слишком патриотично.

В австрийской полиции, и особенно в австрийской армии начала века, было немало итальянцев, чехов, поляков, словенцев. В этом виделись политическая цель и точный расчет Габсбургской монархии, схожий с девизом «разделяй и властвуй»: разнонациональные вооруженные формирования, призванные поддерживать порядок в стране, не могли все разом перейти на чью-то одну сторону, например немецкую, которая также составляла внутреннюю оппозицию, опасную для центра. Сохранение стабильности и баланса позволяло разваливающемуся государству как-то существовать, несмотря на политический кризис и многочисленные проблемы. Но такое многонациональное формирование, особенно в армии, обладало высокой степенью гетерогенности и несло в себе не внешнюю, а внутреннюю угрозу для общества: отдельные лица в составе такой группы были фактически неподконтрольны, к тому же набирались туда люди часто непроверенные, подходившие по физическим данным.

Даже престижная государственная служба не страховала от вспышек ярости и националистических проявлений, вызванных состоянием аффекта.

Несмотря на верную службу в полиции, Амедео Де Гаспери пришлось на образование для детей взять благотворительный грант у государства. Возможно, именно это объясняет лояльное отношение Альчиде к Австрии: здесь он получил образование за государственный счет и был этой стране в значительной мере обязан. Это, по словам американского историка Пола Джонсона, заставило его «испытывать лояльность к королевскому дому, а не к национальному государству»¹³³.

Впрочем, получение гранта того стоило: Альчиде учился удивительно легко и вскоре овладел несколькими языками и философией. В Венском университете ему несладко пришлось

¹³² Lina Anzalone. Ernesta Bittanti Battisti. L'ultima donna del Risorgimento. Città del sole, 2011.

¹³³ Paul Johnson. Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties. – HarperCollins Publishers, 1991. P. 578–579.

из-за национальности: он ведь и попал туда в качестве исключения, как талантливый самородок. Горячий Баттисти, не учись он во Флоренции, такого бы, наверное, не стерпел – предпочел бы надавать обидчикам по физиономии. Но в этом и состояло отличие Де Гаспери от Баттисти: Альчиде, будущий деятель христианского движения, обладал терпением, а за годы учения овладел еще и остроумием, чтобы отвечать всяким «tedeschi» на их наглые выпады в адрес итало-тирольского чужака.

Одиночество, созерцательность и стоическое терпение обычно бывают востребованы в той области, которой себя впоследствии посвятит молодой Де Гаспери, – в религии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Альчиде решил связать себя с католицизмом. Самым большим авторитетом для него стал назначенный в Трентино епископ Челестино Эндричи¹³⁴, и вскоре молодой Де Гаспери сделался его помощником и специальным представителем. Но это не мешало его обучению в Вене, где он собирался стать филологом, изучающим культурные связи итальянской и немецкой литературы. И там, в австрийской столице, у него тоже был свой идеал – мэр города Карл Люгер, сторонник обновленного католицизма и убежденный антисемит. Пол Джонсон, будто предвидя обвинения Де Гаспери в расизме, пытается объяснить его позицию:

«Он отправился в Венский университет, где испытал восторг от знаменитого бургомистра Карла Люгера, но совсем по иной причине, нежели Гитлер. Де Гаспери считал, что Люгер указал тот путь, которым надлежит следовать при осуществлении “социальных энциклик” самого прогрессивного святого папства. Так он и сформировался под влиянием немецкого католического популизма, и первые его публикации появились именно в австрийской католической газете “Reichspost”. Де Гаспери действительно почти не поддавался двум самым серьезным болезням нашей современности: этническому национализму и вере в то, что основанные на нем государства могут быть превращены в Утопии»¹³⁵.

Тем удивительнее постоянное участие Де Гаспери в заседаниях «Ассоциации студентов Трентино». Едва ли это радикальное политизированное общество могло быть ему интересно. С трентинским социализмом Де Гаспери расходился в вопросах религии, патриотизма и отношения к австрийской государственности – то есть практически во всем. Он имел свою личную точку зрения и на положение Южного Тироля. В сущности, он никогда не был сторонником присоединения этой части Австрии к Италии. Двойственность Де Гаспери, крайне последовательного и логичного в своих поступках человека, поражает.

Остается только гадать, что он вообще хотел обрести на этих собраниях и как попал в радикальную университетскую историю 1904 года.

Этот многоумный двадцатилетний студент, лишенный националистических амбиций и юношеского максимализма, не мог не привлекать внимания. В среде итальянских националистов он выглядел чужаком.

Очевидно, Де Гаспери, будучи итальянцем, все-таки считал, что у итальянского Тироля должно быть право на самоопределение и язык.

К злополучному факультету на Либенеггштрассе, а потом – на улицу Герцога Фридриха, в гостиницу «Белый Крест», где произошли основные события «Fatti di Innsbruck», его привел сам вопрос университетского образования, а не политические и национальные проблемы.

Из сказанного выше вовсе не следует, что Де Гаспери относился к австрийской системе власти не критично. Он неоднократно поднимал во время дебатов Ассоциации студентов Трентино так называемый «Questione Austriaca» («Австрийский вопрос») и так же, как все прогрессивные жители Австрии – будь то пантерманисты или ирредентисты, – говорил о необхо-

¹³⁴ Челестино Эндричи (Celestino Endrici) (1866–1940) – первый епископ Трентино, назначен 3 января 1904 года и вступил в должность с 13 марта.

¹³⁵ Paul Johnson. Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties. – HarperCollins Publishers, 1991. P. 578–579.

димости перемен в изжившей себя монархии. Однако не мог не испытывать к этой монархии и своеобразных сыновних чувств: точнее – чувств официально признанного и обеспеченного «пасынка», которому дали возможность социально адаптироваться.

Средства и методы борьбы со старым порядком в ходе дебатов между Альчиде и ирредентистами предлагались разные, и это все больше увеличивало расстояние между членами итальянского лагеря, поскольку немногочисленные сторонники у Де Гаспери все же были.

Как позднее отмечал английский исследователь Джаспер Ридли, «католическая организация, называвшая себя Народной партией, приветствовала сближение с католической Австрией и относилась к движению за объединение с Италией подозрительно, как, впрочем, и во времена Рисорджименто»¹³⁶.

Их газета “Il Trentino” издавалась молодым журналистом Альчиде Де Гаспери <...> Баттисти в своей “Il Popolo” вел полемику и с Фольксбундом¹³⁷, и с Де Гаспери»¹³⁸.

В то же время Де Гаспери порой шел на компромиссы с социалистами в этом вопросе.

Социалисты находились в положении конфронтации по отношению к действующей Церкви и часто привлекались к суду за выступления против конфессиональных сановников, но Де Гаспери это не отталкивало. И причиной столь странного отношения к происходящему был уже не только университетский вопрос. Де Гаспери притягивал сам Чезаре Баттисти, в котором он видел интересную личность и редкого противника, на котором можно оттачивать свои взгляды и ораторское мастерство. Спорить с лидером трентинских социалистов было увлекательно, но трудно и даже иногда болезненно: Баттисти умел убеждать. Но чем больше Альчиде слушал Баттисти, тем больше убеждался в собственной правоте.

Впрочем, была еще одна причина: молодому Де Гаспери казалось, что он должен что-то сделать, чтобы не допустить катастрофы, что такова его христианская миссия. Что катастрофа произойдет, Альчиде уже не сомневался. Эта катастрофа светила в глазах Баттисти и его товарищей. И ее-то будущий премьер-министр Италии действительно считал «серьезной социальной болезнью».

* * *

Отношения Баттисти и Де Гаспери уже в то время не были безоблачными. Они расходились даже в самом университетском вопросе. Альчиде, например, на заседаниях итальянской студенческой ассоциации всегда выступал за компромисс – организацию факультета в любом предлагаемом австрийскими властями городе, тогда как Баттисти продолжал настаивать на Триесте – крупном культурно-промышленном центре Тироля.

Можно себе представить, как злились Баттисти и другие социал-патриоты, когда Де Гаспери, выходя на трибуну в Тренто в 1902 году, призывал: «Будьте же в первую очередь католиками, а потом – итальянцами!»¹³⁹

«Я не одобряю идолизацию нации! Я просто не понимаю, что это такое, – провозглашал этот двадцатилетний юнец с лицом умудренного жизнью старца. – И еще я не понимаю, что такое “religione della patria” (“религия отечества”). Разве Бог не один для всех?»¹⁴⁰

¹³⁶ Рисорджименто (il risorgimento, *итал.*) – досл. «возрождение», обновление – национально-освободительное движение итальянского народа против австрийского гнёта, за объединение раздробленной на мелкие государства Италии в единое национальное государство. Датируется периодом конец XVIII века – 1870 год.

¹³⁷ Фольксбунд (Народный Союз) – организация трентинских немцев, приветствовавшая воссоединение с Австрией, своим героем считала Андреаса Хофера.

¹³⁸ Джаспер Ридли. Муссолини / Пер. Левина. – М.: АСТ, 1999.

¹³⁹ Paul Johnson. Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties. – HarperCollins Publishers, 1991. P. 578–579.

¹⁴⁰ Ibid. P. 579.

Когда Баттисти язвительно спрашивал его, считает ли он себя в таком случае демократом, его юный товарищ отвечал: «Я католик, итальянец, а потом уже демократ – именно в этом порядке!»¹⁴¹

Известен еще один факт: несколькими годами позднее в газете «Il Trentino» появились нападки одного католического священника на Эрнесту Биттанти. Эрнеста не сидела затворницей и вела активный образ жизни в светских кругах Тренто. Один из таких салонов принадлежал баронессе Джулии Туркати¹⁴², большой почитательнице искусств, имевшей неплохое филологическое и искусствоведческое образование. Туркати сама пробовала сочинять стихи и превосходно играла на фортепиано.

В ее гостиных, расположенных на вилле Сопрамонте, встречались писатели, художники, журналисты и ученые. Об этом вспоминал один из завсегдатаев салона баронессы, историк и поэт Антонио Пранцелорес – впоследствии активный участник инсбрукских событий и соратник Баттисти. Украшением салона баронессы были и просвещенные итальянки, с которыми баронесса обсуждала не только искусство и политику, но и свои кулинарные рецепты. Занималась баронесса и благотворительной деятельностью, полагая, что Церковь уделяет этому недостаточно внимания. Однако такой публичный образ жизни едва ли отвечал католическим канонам поведения женщины. Дамы, посещавшие салоны, воспринимались как светские львицы и аристократические кокетки. Это и могло послужить причиной нападок священника. Впрочем, и свекровь Эрнесты, графиня Виттория, белоручкой отнюдь не была, она писала вполне профессиональные пейзажи и натюрморты, которые сегодня находятся в музее Роверето.

Но публикация, о которой говорит историк Ридли, не проясняет один момент: как такой материал мог появиться в газете, издаваемой политически и человечески корректным Де Гаспери. Скорее всего, причина в том, что в 1905 году епископ Эндричи поручил своему помощнику Де Гаспери курирование христианского печатного органа «Католический голос» («La Voce cattolica»), и тому было просто не до своей собственной газеты.

Джаспер Ридли так комментирует этот момент: «После статьи в “Иль Трентино”, где делались грязные намеки на жену Баттисти, Муссолини бездоказательно прошелся в “Л’Авеннере дель лавораторе” относительно морали одного священника, активного деятеля католической партии. 29 мая Муссолини предстал перед трентским судом за клевету на священника и был приговорен к штрафу в 30 крон или трехдневному заключению.

Почти сразу после уплаты штрафа он был вновь привлечен к суду за статью в “Иль пополо”, обвинявшую трех католических священников в сексуальных домогательствах и хищении денег из церковного фонда. 5 июня Баттисти, как издатель газеты, был приговорен к семи дням заключения, а Муссолини – к трем. На этот раз без замены штрафом. Но Муссолини опротестовал этот приговор, и 9 июня апелляционный суд отменил его»¹⁴³.

Впрочем, такое заступничество дуче впоследствии не помешало Эрнестине Баттисти, ставшей антифашисткой, полжизни бороться с преданным учеником ее мужа, порвавшим с идеями социализма и превратившимся в тирана для собственной страны. Но боролась она и с Де Гаспери, в котором видела вечного оппонента своего мужа и которому, очевидно, внутренне не могла простить еще и того, что, в отличие от Баттисти, он жив и управляет страной, за которую погиб ее муж. По-человечески Эрнесту можно понять: Де Гаспери, постоянно выступая против патриотических и милитаристских призывов Баттисти, получил в итоге именно то, за что его оппонент отдал жизнь. Судьбы этих двух уроженцев Тренто сложились весьма причудливо в плане исторической и человеческой справедливости, хотя вины тут ничьей не было.

¹⁴¹ Ibid. P. 579.

¹⁴² **Джулия Туркати** (Giulia Turcati) (1 апреля 1848–3 августа 1912) – баронесса, уроженка Тренто, популяризатор итальянской культуры и меценат, содержательница крупнейшего литературно-художественного салона в городе.

¹⁴³ Джаспер Ридли. Муссолини / Пер. Левина. – М.: АСТ, 1999.

* * *

А в 1904 году Альчиде Де Гаспери сам еще был юным студентом: он заканчивал факультет литературы и философии в Вене, переводил и комментировал «Фауста» Гёте и поэзию Шиллера. До получения степени доктора филологических наук ему оставался год. 19 июля 1905 года Де Гаспери защитит диссертацию на тему «Комические герои Карло Гоцци и их осмысление в Германии».

Даже этот выбор темы по-своему символичен, ведь Де Гаспери переводил и комментировал также Шиллера и романтиков «Бури и натиска». Остановил он свой выбор на Гоцци далеко не случайно: сам Де Гаспери по своей человеческой сути не был ни романтиком, ни человеком Рисорджименто. В этом молодом человеке, впоследствии возродившем Италию после фашизма, уже тогда виделся жесткий прагматик и целеустремленный «просветитель». Роман-тиком и человеком Рисорджименто был как раз Чезаре Баттисти. «Героем» или «злодеем» – в данном случае неважно. Он принимал радикальные решения и совершал ошибки, потому что ставил на карту все.

* * *

Впоследствии историки не раз пытались подытожить труды Де Гаспери, Баттисти и других политически активных жителей Трентино, создать монументальный труд об истории этого края, но каждый раз перед ними вставал один и тот же вопрос: каким образом социализм, имевший повсеместно в Европе интернационалистические корни, смог трансформироваться в свою полную противоположность именно в Тироле?

И в основе этого радикализма, интервенционизма и ультра-патриотизма всегда оказывалась личность Баттисти, которого после его смерти готовы были возносить и поливать грязью, боготворить и продавать на сувениры. Историки признают, что позиция Баттисти серьезно угрожала социализму в Южном Тироле, поскольку могла дезавуировать его и превратить в неосуществимую утопию. Неумение Баттисти договариваться со своими собратьями по партии австрийцами разваливало саму партию. Австрийские социалисты как раз придерживались традиционных для социализма интернационалистических взглядов, таким же был и левый Триест, где сформировался так называемый австромарксизм. Ученый Эрнесто Честан называл доктрину Баттисти «non tanto il socialismo, quanto l'irredentismo» – «не столько социализмом, сколько ирредентизмом». Но наиболее логичным кажется вывод своеобразного биографа Баттисти – журналиста Клауса Гаттерера, писавшего, что Баттисти тринадцать месяцев провел в Италии, и это сделало его радикальным центристом.

По словам австрийского журналиста, такое преображение на первый взгляд кажется немотивированным, основанным на эмоциях, но более тщательный анализ показывает, что речь идет в данном случае о психологическом феномене – разрыве в сознании Баттисти, выступавшего сторонником централизованной национально-административной автономии. Он боролся одновременно на двух политических фронтах – за Трентино и за Италию¹⁴⁴.

¹⁴⁴ В книге: Claus Gatterer. Unter seinem Galgen stand Österreich, Cesare Battisti. Porträt eines «Hochverrätters», Europa Verlag, Wien u. a. 1967.

2.4. Позиционная борьба

В 1993 году на свет появилась ассоциация «Società degli Studenti Trentini»¹⁴⁵. Инициатором появления этого общества был ученик и соратник Чезаре Баттисти, Антонио Пиджеле. И если Баттисти можно назвать горячим сердцем социалистического движения Тироля, то Антонио Пиджеле – его беспокойной совестью.

Антонио Пиджеле (1871–20 сентября 1947), строгий юноша с античной внешностью, был на четыре года старше Баттисти, но казался моложе, и не только из-за профессорской бородки, которая придавала Чезаре солидность вожака стаи, но и из-за сложившихся между ними отношений «лидера» и «ученика». Все они тогда находились в тени вождя социалистической партии. Все, кроме доцента, а потом доктора права Лоренцони¹⁴⁶, у которого была своя харизма и свой индивидуальный путь. Он всегда поступал по-своему, и ему никто не давал советов.

Пиджеле, напротив, имея что сказать, предпочитал высказываться редко и по существу. Он был весьма интересной фигурой, сумевшей верно оценить все происходящее и нередко выступавшей против решений самого Баттисти, однако при попытке найти его дневники, записи и вообще его архив, сын Пиджеле, Джулиано, был удивлен, не обнаружив ничего существенного.

По образованию Антонио Пиджеле был юристом, и его-то проблема открытия итальянского университета на территории Тироля касалась непосредственно, однако его чувствительность значительно преобладала над юридическим умом. Эмоции порой делали его мировосприятие иррациональным.

Несмотря на то что Пиджеле всегда оставался в тени своего яркого соратника, впоследствии он тоже оказался в числе активистов ирреденты, арестованных в отеле «Белый Крест» в ноябре 1904 года.

«Ассоциации студентов Трентино» был дан девиз: «Пламенная любовь к родине, страсть к горам и вера в будущее». Эти слова как нельзя лучше характеризовали дух первого студенческого сообщества, в котором ключевую роль играли Чезаре Баттисти и Джованни Лоренцони. Жизнь обоих впоследствии сложилась трагично, однако даже это выглядит вполне логично: характер предопределяет судьбу, и такие люди, сколько бы они ни прожили, естественной смертью не умирают.

Ассоциация собралась на свое первое заседание для обсуждения университетского вопроса, но тогда не смогла ничего решить. С тех пор члены Ассоциации собирались каждый год, но все время принимали разные решения и не могли достигнуть единства голосования.

На очередном заседании Чезаре Баттисти озвучил лозунг: «Trieste o nulla!» («Триест или ничто!»)

Де Гаспери на это мягко возразил, что в доводах правительства имеется свой резон, и населенный разными национальностями Триест не очень подходящее место для итальянского университета. По мнению Альчиде, нужно было выработать разумный компромисс. Но Баттисти стоял на своем. Сторонники его требований напоминали присутствующим, что в парламенте Триеста еще с 1869 по 1888 год принимались резолюции, призывавшие к открытию

¹⁴⁵ «Ассоциация студентов Трентино» (*итал.*).

¹⁴⁶ **Джованни Лоренцони** (Giovanni Lorenzoni) (1873–21 августа 1944) – экономист, социалист-реформатор, преподаватель юридического факультета в Инсбруке (1903–1904), секретарь Международного института сельского хозяйства в Риме (1910–1911), с 1924 – проф. экономич. истории и социологии во Флоренции. Автор работ о сельскохозяйственной кооперации в Германии (1901), Сицилии (1910), Албании (1930).

итальянского университета. И тут один из депутатов парламента Трентино, Луиджи де Кампи, вдруг предложил вместо Триеста Инсбрук, как запасной вариант.

* * *

По словам социолога Евы Бауэр, такое разнообразие предлагаемых для размещения итальянского университета городов связано еще и с тем, что в первые годы XX столетия студенты-итальянцы в Тироле были выходцами не только из Трентино: в процентном соотношении трентинских учащихся было всего лишь 26,8 против 40,2 из Далмации и 14,6 из Истрии¹⁴⁷.

«В начале века выбор места для своего университета был продиктован в значительной степени конкретными причинами, – пишет Бауэр, – такими, как близость к дому или удобство размещения в родном городе»¹⁴⁸.

Только к 1903–1904 годам эти чисто бытовые факторы утратили свою главенствующую роль, уступив интересам политизированной группы из Трентино, ядро которой было сформировано из людей, «вовсе университет не посещавших»¹⁴⁹.

То есть в данном случае речь идет о явной политизации университетского вопроса и смещении его от чисто студенческих интересов к вопросам политическим и национальным.

* * *

Инсбрук в то время был одним из богатейших городов Австро-Венгерской монархии, даже богаче Вены. В нем оказались сконцентрированы лучшие на тот момент наука и промышленность. В науке преобладали юридические и – в еще большей мере – медицинские и фармакологические дисциплины, лучшие в Европе.

Уровень образования и грамотности населения был самый высокий в стране. Количество неграмотных составляло всего лишь 1,25 процентов населения (552 человека, из которых 228 – женщины и 324 – мужчины). Постоянно строились дороги, железнодорожные станции.

Этот город был предметом гордости не только Тироля, но и Австрии в целом. Кстати, такое положение Инсбрука в Австрийской империи во многом и стало причиной инерции центра по отношению к последующим событиям: город считался благополучным и как будто не вызывал серьезных опасений, а тревожные сигналы, поступающие из этого региона, воспринимались как нагнетание паники и преодолимые трудности¹⁵⁰.

* * *

Предложение де Кампи создать в Инсбруке итальянский университет выглядело странно и даже вызывающе, учитывая, что Инсбрук – столица Тироля и практически священная земля для пангерманистов. Некоторые даже решили, что это шутка. Но де Кампи вовсе не шутил. Он, в свою очередь, тоже напомнил собравшимся, что еще раньше, чем с 1869 по 1888 год – уже в 1863 году, – депутат Консолати поднимал вопрос о параллельном обучении на итальян-

¹⁴⁷ Eva M. Bauer. Camerati, commilitoni e complici: struttura organizzativa del movimento studentesco italiano nella monarchia asburgica all'inizio del Novecento... P. 121.

¹⁴⁸ Eva M. Bauer. Camerati, commilitoni e complici: struttura organizzativa del movimento studentesco italiano nella monarchia asburgica all'inizio del Novecento... P. 121

¹⁴⁹ Ibid. P. 121.

¹⁵⁰ Irmgard Plattner. La città di Innsbruck alla svolta del secolo // Università e nazionalismi Innsbruck 1904 e l'assalto alla Facoltà di giurisprudenza italiana. – Museo storico del Trentino, 2004. P. 52, 55.

ском языке, и речь шла об Инсбруке, только тогда предлагалось открыть не юридический, а медицинский факультет, в чем нет принципиальной разницы¹⁵¹.

Де Кампи сформулировал свой вариант в манере пламенного Баттисти: «Через Инсбрук – в Триест!». По мнению де Кампи, можно было для начала ограничить требования одним только правовым факультетом в Инсбруке. Некоторые были за лозунг Баттисти, другие, как де Кампи, видели в Инсбруке промежуточную станцию на пути в Триест.

На четвертом конгрессе Ассоциации в 1898 году было достигнуто соглашение по вопросу об Инсбруке, и в зимний семестр 1889/99 года в Инсбруке была создана местная ячейка организации «Società degli Studenti Trentini».

* * *

Для немецких профессоров и студентов решение Ассоциации и пропагандистские лекции юриста Франческо Менестрины послужили сигналом к тому, что теперь националистическое отношение к итальянцам можно не скрывать. Ведь, по сути, неофициальное государство «Немецкая Австрия» тоже было «ирредентой» на территории Габсбургской монархии, а решение об открытии итальянского юридического факультета воспринималось как попытка захватить столицу немецкого Тироля.

В сентябре 1900 года профессор Менестрина пошел еще на один рискованный радикальный шаг: он выступил за введение защиты диссертаций на итальянском языке, что раньше запрещалось руководством университета.

А с 11 по 14 декабря того же года был создан итальянский юридический колледж.

Решение о защите диссертаций на итальянском языке в официальном порядке утвердил Джованни Паччиони¹⁵², преподаватель римского права в Инсбруке. Два немецких профессора, Хруца и Вальднер, сразу обжаловали это решение, объявив его незаконным и не имеющим правовой основы. Но они не учли, что у опытного Паччиони были отменное знание истории законодательства и свой туз в рукаве – прецедент 1878 года, когда уже был принят закон о правомочности итальянских диссертаций. Министерство культуры и образования Цислейтании подтвердило правоту Паччиони, но университетский совет, собравшийся в январе 1901 года, вновь обжаловал это решение, представив три аргумента:

во-первых, несколько членов совета проголосовали против;

во-вторых, из формулировки закона 1878 года неясно, идет ли речь просто об итальянской диссертации или о диссертации на итальянском языке;

и, в-третьих, в случае допущения другого языка возникнет расхождение между экзаменами на немецком языке и диссертацией на итальянском.

Наконец, на ученом совете раздавались мнения, что стоит только разрешить итальянский на юридическом факультете, как того же потребуют медицинская школа, гуманитарные факультеты, а потом и начальная школа, и это станет полным развалом государственного образования. Зашла речь и об опасности националистических столкновений в городе и за его пределами.

Министр культуры и образования Вильгельм фон Хартель¹⁵³, человек либеральных взглядов, выразил оппозиционную по отношению к совету точку зрения. Он объявил решение уче-

¹⁵¹ Alcide De Gasperi. I Cattolici trentini sotto l'Austria: Antologia degli scritti dal 1902 al 1915 con i discorsi al Parlamento austriaco. Ed. di Storia e Letteratura, 1964. P. 3 (pp. 3–12).

¹⁵² **Джованни Паччиони** (Giovanni Pacchioni) (1867–1946) – юрист, преподаватель римского права в Инсбруке. После отстранения в Инсбруке итальянской профессуры в 1904 году преподавал в Турине и Милане, с 1935 года работал в комиссии Итало-Абиссинии.

¹⁵³ **Вильгельм фон Хартель** (Wilhelm von Hartel) (1839–1907) – доктор филологических наук, министр культуры и образования (1900–1905), либерал, активный сторонник усовершенствования женского образования.

ного совета исключительно его субъективным мнением и подтвердил решение центра о защите итальянского преподавания и профессуры. После этого итальянец Менестрина был возвращен на кафедру и признан в качестве лектора¹⁵⁴.

Именно это воодушевило студенческую ассоциацию Трентино. Она ускорила подготовку итальянского юридического факультета в Инсбруке и запросила разработку финансовой базы факультета для оплаты педагогов и выплаты стипендий¹⁵⁵.

Де Гаспери в это время несколько сближается в своих взглядах с радикальным Баттисти, утверждая, что национальная, народная идея нужна итальянцам, а университеты всегда становились «*le fucine ove si idearono e si produssero i grandi rivolgimenti intellettuali dei popoli*»¹⁵⁶ («кузницей, где ковались и обретали форму интеллектуальные идеи всенародной революции»).

Председательствуя на собрании «Ассоциации студентов Трентино» в 1902 году, он говорил о «конкурентоспособном итальянском университете, опирающемся на традиции великих предков», «гораздо более древних, нежели немцы или славяне»¹⁵⁷.

Де Гаспери даже защищает атеистические воззрения социалистов от нападок католического сообщества. Это был единственный момент, когда взгляды непримиримых оппонентов в итальянском лагере сошлись, и противником итальянцев была только немецкая сторона.

Здесь на сцену впервые выходит еще один участник событий – уроженец Инсбрука, член Имперского Совета и немецкий депутат парламента от Тироля Эдуард Эрлер – адвокат, политик, националист и вице-мэр родного города.

Эдуард Эрлер родился 25 сентября 1861 года в Инсбруке, и с этим городом был связан весь его жизненный путь. Он учился в реальной школе, потом в гимназии и в Инсбрукском университете, стал юристом и получил адвокатскую практику, к которой вернется после многолетней политической и административной деятельности. Юридическая уравновешенность и проницательный ум сделали его заметным членом местного общества, и вскоре он стал членом провинциального национального собрания и заметным политиком Тироля, прикомандированным в 1901 году к Императорскому Совету. Но немалую роль в его административной карьере сыграл и бунтарский националистический дух, близкий «младотиroleцам» – немецкой культурной элите края. Эрлер, этот «ирредентист» пангерманского образца, основал националистическую Народную партию и стал издавать газету «*Tiroler Tagblatt*» («Тирольский дневной листок»), чтобы увеличить круг своего влияния.

Вся эта бурная политическая и общественная деятельность значительно разнообразила, но и усложнила жизнь Эрлера, который теперь, наподобие гонца, непрерывно курсировал между Тиролем и Веной с докладами и поручениями. Сорок три года – прекрасный цветущий возраст для политика.

Доктору Эрлеру даже удалось гармонично соединить свои радикальные настроения с муниципальной деятельностью: одно не мешало другому. Но была у него одна слабость, делавшая его эмоциональным и неуравновешенным человеком, – любовь к искусству.

Опасность конфликта не на шутку беспокоила депутата Эрлера. Пользуясь своими полномочиями, он напрямую обратился к медлительному министру образования с вопросом: собирается ли тот предложить согласованное разделение университета Инсбрука и как это будет юридически оформлено? Вполне логичный шаг для политика и законника, если учесть, что до

¹⁵⁴ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S.113.

¹⁵⁵ Ibid. S.113.

¹⁵⁶ Alcide De Gasperi. I Cattolici trentini sotto l'Austria: Antologia degli scritti dal 1902 al 1915 con i discorsi al Parlamento austriaco. Ed. di Storia e Letteratura, 1964. P. 8.

¹⁵⁷ Ibid. P. 3.

сих пор высказывались одни лишь мнения, но не конкретные, юридически оформленные предложения. Министр-либерал продолжал размышлять, и четкого ответа на свой вопрос Эрлер не получил. Отчасти это напоминает давно прижившийся в монархии Габсбургов метод «двойной стратегии» – готовность идти на мелкие уступки, но никогда не касаться главного. Очевидно, Хартель полагал, что это временные трудности и все разрешится само собой. А может быть, его гораздо больше занимала его собственная репутация либерала и новатора. Поэтому, вдохновенно разрабатывая законы о женском образовании, он совершенно упустил из виду молодых разгневанных мужчин в центре Инсбрука.

* * *

А немецкие националисты столицы Тироля даром времени не теряли. Они решили созвать в конце октября 1901 года совещание своих представителей и настаивать на закрытии лекций Франческо Менестрины.

Ученый совет был поставлен в известность о предстоящих беспорядках, но не принял мер. С 29 по 31 октября лекции итальянского профессора срывались бойкотом – националистически настроенные немецкие студенты свистели и барабанили по столам. Итальянская часть зала ответила на это дружным пением итальянского гимна.

Попытки ректора Мирбаха¹⁵⁸ и профессора Демелиуса¹⁵⁹ повлиять на протестующих и навести порядок на лекциях успеха не имели. Лекцию профессора Паччиони тоже сорвали, и он покинул зал под крики студентов.

Волна демонстраций и беспорядков докатилась до столицы Цислейтании. В Вене на митинг солидарности собрались около трехсот итальянских студентов. Католическая ассоциация немецких студентов пока не вмешивалась, но написала президенту письмо, в котором высказала свое несогласие с нестабильным положением в городе¹⁶⁰.

Тем временем барон Мирбах по состоянию здоровья уходит с поста ректора, и его место занимает доктор минералогии Алоис Катрейн¹⁶¹.

Катрейн начал свою деятельность с того, что попросил профессора Менестрину временно отказаться от лекций, а потом переложил всю ответственность на Министерство образования и запросил у него дальнейших инструкций. Из министерства последовала недовольная ответь с обвинениями ученого совета в пассивности и неспособности прекратить беспорядки в Инсбруке, о которых совету было известно заранее. По резолюции министерства ученый совет университета обязан был продолжать учебный процесс при любых обстоятельствах. Министерство во главе с Хартелем, сидя в центре, вело себя так, как будто речь в Тироле шла о какой-то паре уличных хулиганов.

Ученый совет обратился к студентам с призывом сохранять порядок. Но уже в ноябре полсотни итальянских студентов отправились на инаугурацию ректора Катрейна, чтобы потребовать возвращения Менестрины. К ним присоединились около двухсот итальянских рабочих. Жандармерия в это шествие не вмешивалась, но никаких крупных стычек тогда не последовало. Позднее к трентинским итальянцам присоединились итальянцы из Граца и Вены, и в

¹⁵⁸ **Франц Ксавер Мирбах фон Райнфельд** (Franz Xaver Myrbach von Rheinfeld) (3 декабря 1850–11 февраля 1919) – барон, работал в финансовой прокуратуре и финансовых советах, позднее – профессор университета Инсбрука, ректор в 1900–1901 и 1908 годах. Член братства «AGV Wien».

¹⁵⁹ **Эрнст Демелиус** (Ernst Demelius) (10 июля 1859–28 июля 1904) – потомственный юрист. С 1895 – преподаватель в Вене, в 1896–1897 годах – ректор и профессор Университета гражданского судопроизводства в Инсбруке.

¹⁶⁰ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer: Die innsbrucker Universität... Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. S. 113.

¹⁶¹ **Алоис Катрейн** (Alois Cathrein) (1853–1936) – уроженец Боцена (Больцано), доктор философии и приват-доцент минералогии, специалист по кристаллам. Ректор университета в 1901–1902 годах.

ноябре продолжились демонстрации, закончившиеся арестом одиннадцати человек, двое из которых были из Инсбрука. У демонстрантов изъяли немногочисленное оружие – пару револьверов, стилеты и кастеты.

При этом министр образования Хартель, обвиняя ученый совет в нерешительности, по-прежнему не предпринимал никаких действий и отвечал на все запросы расплывчато и уклончиво. В частности 7 ноября он высказал предположение, что открытие итальянского университета права решило бы проблему межнационального конфликта. Но собравшийся 12 ноября 1901 года совет немецких студентов (во главе с профессорами Карлом Райтлехнером¹⁶², Виктором Доллмайером¹⁶³, а также докторами медицины Финком и Лобом от общества «AV Vrixia») выслушал ряд сообщений бескомпромиссного характера. Тема заседания была сформулирована однозначно – «Немецкое либеральное сообщество студентов в решительной борьбе с разделением университета Инсбрука».

Выдвигались следующие требования:

защита работ в университете Инсбрука должна проводиться без участия итальянских преподавателей;

итальянские преподаватели не должны проводить тестирование немецких студентов;

к немецкому языку должно проявлять уважение как к официальному языку университета.

Студенческий совет выразил надежду, что ученый совет согласится с этими требованиями, а потом перешел к угрозам по отношению к итальянским демонстрантам¹⁶⁴.

За этим немедленно последовало совещание итальянских студентов. Оно состоялось 14 ноября. Итальянцы приняли и представили ректору Катрейну свои тезисы:

равные права для всех слушателей и мирное сосуществование;

равные права для итальянских преподавателей должны соблюдаться до создания университета в Триесте;

итальянский язык получает статус переговорного на экзаменах и при общении с правлением университета;

все сертификаты итальянским слушателям выдаются на этом языке¹⁶⁵.

Министерство образования потребовало от руководства университета возвращения профессора Менестрины к преподаванию, и 15 ноября он прочитал первую лекцию в относительно спокойной обстановке, но лишь потому, что главные столкновения студентов перекинулись в Вену. Там итальянцев поддерживали еще и словаки.

В ноябрьском докладе министру Хартелю тирольский губернатор, верный слуга империи граф Франц фон Мервельт¹⁶⁶ писал: «Цель, которой добиваются итальянские ирредентисты и их социалистические сторонники, абсолютно ясна. Они хотят вызвать провокацию своими непомерными требованиями. И все это ради того, чтобы мирное сосуществование немецких и итальянских студентов в местном университете, которое только что было достигнуто неимоверным трудом, стало невозможно. Следовательно, решение Вашего Превосходительства об открытии итальянских университетов на их земле очень своевременно»¹⁶⁷.

¹⁶² **Карл Райтлехнер** (Karl Reitlechner) (1833–1909) – профессор, химик и предприниматель, автор работ по машиностроению. Член Братства Германия (Burschenschaft Germania).

¹⁶³ **Виктор Доллмайер** (Viktor Dollmayer) (26 сентября 1878–3 декабря 1964) – профессор, специалист по германистике, член Альпийского клуба.

¹⁶⁴ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S. 115

¹⁶⁵ Ibid. S. 115.

¹⁶⁶ **Франц фон Мервельт** (Franz von Merveldt) (14 июля 1844–27 января 1916) – граф, тайный советник, до 1889 года – президент Силезии. В 1890–1901 годах – губернатор Тироля, предшественник Эрвина фон Шварценау. Отличался монархическими взглядами.

¹⁶⁷ Andreas Bösche. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S. 115

* * *

Но и впоследствии ни ученый совет, настроенный на мнение немецких студентов-националистов, ни Министерство образования, продолжавшее линию пассивного непротивления, не смогли прийти ни к какому решению. Наконец совет предложил создание отдельного юридического факультета, не входящего в систему университета и находящегося на другой территории, но министерство отказалось под предлогом отсутствия финансовой базы и места для его расположения.

По всей видимости, министерству больше пришлось бы по душе пресловутое разделение обучения на самой территории университета, определяемое интересным политологическим термином «Utraquisierung», обозначающим «размежевание», «разделение» и вошедшим в обиход именно из-за национального вопроса. Такое отношение власти к серьезным общественным проблемам объяснялось исключительной близорукостью либерально настроенных и бюрократизированных венских чиновников, нечасто заглядывавших в далекий Тироль и, очевидно, считавших его экзотической горной деревней с благодушными крестьянками в вышитых костюмах и бородатым Андреасом Хофером на постаменте.

2.5. Политический экстремизм

Все это противостояние привело лишь к одному неизбежному результату – еще большему сплочению фракций немецких националистов, росту их активности, а главное – освоению ими новых радикальных методов борьбы, по своей четкости и слаженности сравнимых только с методами нелегальной подрывной организации. Если до этого они выступали стихийно и реагировали по факту итальянских требований, то теперь это были хорошо организованные и оповещенные группы, готовые выступить в любую минуту и даже упредить возможные действия противника.

Известие о возобновлении лекций Менестрины заставило немецкое национальное братство создать свой комитет для координации действий и влияния на студентов¹⁶⁸.

Итальянские студенты тоже все больше напоминали боевой отряд, они даже в университет носили огнестрельное оружие. 5 января 1902 года активисты собрались по призыву «Società Studenti Trentini». Для них организовали встречу с депутатами города Тренто. Появился новый лозунг: «Tutti a Innsbruck!» («Все на Инсбрук!»). Их новая программа состояла из четырех требований. Во-первых, первоначальные планы меняются, и теперь целью становится именно Инсбрук. Во-вторых, необходимо обратиться к итальянским муниципалитетам за финансовой поддержкой неимущим студентам, которые смогут изучать итальянский язык в Инсбруке. В-третьих, «Utraquisierung» – разделение университета Инсбрука на немецкую и итальянскую части, с переселением в Инсбрук итальянских преподавателей. В-четвертых, открытие юридической школы в Триесте для последующего ее расширения до полноценного университета.

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1902 года начались ожесточенные столкновения между итальянскими и немецкими студентами Инсбрука.

К немецким студентам присоединилась инсбрукская буржуазная партия. Двое были ранены, шестнадцать итальянских студентов из Граца и Вены арестованы.

А между тем в университете вновь сменился ректор. 1 ноября Густав Поммер¹⁶⁹ произнес инаугурационную речь, а итальянцы немедленно передали ему свои требования в письменном виде. Однако ученый совет не потрудился им ответить, поэтому трое студентов пошли к ректору и на своем родном языке объяснили ему, что будут добиваться двуязычия в университете.

При этом нормальные коллегиальные отношения даже между профессорами стали уже невозможны. Так, на заседаниях профессуры националисты устраивали обструкцию и добивались ухода из зала Менестрины, а ректор Поммер демонстративно принимал участие в заседаниях, как будто ничего не произошло¹⁷⁰.

В то же время петиция ученого совета к Министерству образования от 11 марта 1903 года гласила, что необходимо создать независимую академию права первоначально в Инсбруке, с ее дальнейшим переносом в другое место.

Министр Хартель переложил всю ответственность за чрезвычайно запущенный и зашедший в тупик университетский вопрос на генерал-лейтенанта Эрвина фон Шварценау, нового губернатора Тироля, заступившего на пост 7 декабря 1901 года. Именно ему было предложено в короткие сроки открыть юридический факультет с последующим его упразднением. Такое положение впоследствии стало для Шварценау поистине роковым, и он уже в мае 1903 догадался, что, получив новое назначение, обрел непрекращающуюся головную боль.

¹⁶⁸ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S. 116

¹⁶⁹ **Густав Адольф Поммер** (Gustav Adolf Pommer) (27 июня 1851–29 декабря 1935) – сын судьи. Доктор медицины, практикующий врач, специалист в области патологической анатомии и неврологии. С 1902 по 1903 год ректор университета в Инсбруке. Член братства «Burschenschaft Suevia Innsbruck EM».

¹⁷⁰ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S. 116.

Эрвин фон Шварценау, чиновник и политик, родился в Вене 11 сентября 1858 года в семье офицера, австрийского помещика. Он прошел традиционный путь австрийского военного и чиновника. После окончания в 1876 году академии «Терезианум» и юридического факультета Венского университета, где он учился с 1876 по 1879 год, Шварценау работал с 1880 года в кабинете губернатора Инсбрука, где выполнял различные поручения. С 1885 года служил канцлером оборонного ведомства, а с 1889 – вице-секретарем ведомства и директором законодательного отдела. В 1891 году Шварценау становится председателем заседаний в Министерстве обороны в Вене, а потом отправляется на службу в Нойкирхен, где преимущественно занимается вопросами речного хозяйства и значительно преуспевает в этом.

В 1893 году Шварценау назначили секретарем оборонного ведомства, где он совсем недавно работал директором отдела, а с 1900 года он стал руководителем департамента. В конце 1896 года Шварценау принял участие в составлении поправок к законодательству и заслужил доверие нового министр-президента Кёрбера, в связи с чем получил чин генерал-лейтенанта и пост губернатора Тироля.

Как можно заметить, Эрвин фон Шварценау был типичным карьерным чиновником, ступенька за ступенькой (в данном случае – год за годом) взбиравшимся по лестнице австрийской иерархии, но вовсе не стремившимся совершать невероятные подвиги и прослыть героем. Доверие министр-президента Кёрбера, который сам оказался во главе страны не в лучший момент ее истории, дорого стоило потомственному офицеру Шварценау, потому что премьер поручил генерал-лейтенанту разобраться в проблемах тирольского края. Очевидно, причиной такого назначения были поправки к законодательству, в которых Кёрбер усмотрел юридическую грамотность Шварценау. Второй причиной было то, что Шварценау начинал свою службу именно в инсбрукском ведомстве, и Кёрбер полагал, что он хорошо знает регион. Но невозможно не учитывать того обстоятельства, что Шварценау был в Инсбруке чужаком, в отличие от руководства города – Грайля и Эрлера. Другой «чужак», эрцгерцог Ойген Габсбург, назначенный командиром корпуса Тироля, повел себя по сравнению с губернатором куда более дальновидно.

В начале декабря 1901 года Шварценау оказался лицом к лицу с бесчисленными проблемами и гражданской буржуазией, неприязненно относившейся к чужакам, тем более к военным. Успевший поработать с хозяйственными вопросами еще в Нойкирхене, Шварценау мог бы найти общий язык с умелым хозяйственником Вильгельмом Грайлем, однако Грайль имел в Инсбруке давние связи и твердую опору в лице немецкого большинства, возглавляемого вице-мэром Эдуардом Эрлером и его Народной партией. Двойственная позиция нового губернатора, пытавшегося наладить отношения между немцами и итальянцами, с самого начала претила тирольским пангерманистам, и Шварценау вызывал у них неприязнь. Позиция нового губернатора оказалась зыбкой с самого начала. Он как будто пытался уладить отношения сторон, но его главным мотивом было опасение за свое положение в регионе и в центре. В 1902 году он, предвидя вооруженный конфликт, настойчиво призывал передать курсы на итальянском языке в другой город и сохранить «отважный и достойный немецкий университет Инсбрука». Переадресация 167 итальянских студентов в другой регион значительно облегчила бы жизнь генерал-лейтенанту. Но когда его план не сработал, Шварценау занял двойственную позицию и начал метаться между двумя непримиримыми лагерями. Однако сидение на двух стульях – положение крайне неудобное. Для Шварценау оно стало роковым. Три года спустя губернатор будет одним из главных действующих лиц ноябрьской трагедии Инсбрука.

В начале февраля 1903 года в Инсбрук прибыл знаменитый депутат Венского парламента Георг Шёнерер, о чем сообщила газета «Innsbrucker Nachrichten»¹⁷¹. На встречу с ним в неболь-

¹⁷¹ Innsbrucker Nachrichten, 5 Februar 1903.

шой зал инсбрукского собрания явилось около трехсот человек. Собрание открыл заместитель бургомистра советник Шалк, который поприветствовал Шёнерера как лидера национального немецкого движения в Австрии. Этот визит был далеко не случаен: скандальный пангерманист приехал в столицу Тироля поддержать своих сторонников.

17 апреля 1903 года немецкие националисты Инсбрука приняли участие в совещании, на которое пришли несколько университетских профессоров и студентов. Представитель Тироля в государственном парламенте Эдуард Эрлер, постоянно осуществлявший связь между всеми этими инсбрукскими совещаниями и центром, оказался исключительно прозорлив и был против открытия итальянской школы где бы то ни было в Тироле. Создатель Народной партии предвидел беспорядки, которые за этим последуют.

И 1 мая под руководством доктора юридических наук Хубера¹⁷² состоялось еще одно заседание, на котором было отклонено внедрение любой итаоговорящей средней школы в Тироле и в Австрии. На голосование была поставлена резолюция, в которой говорилось, что «немецкий студенческий союз не против экспериментов с введением альтернативных дисциплин на итальянском языке и работы в университете итальянских профессоров, но при всем гостеприимстве вынужден ответить на провокационные попытки разделения университета и вероломные подстрекательства итальянцев к созданию отдельного правового учебного заведения. Союз ожидает от ученого совета жестких мер для предотвращения реальной опасности столкновений на национальной почве». В резолюции присутствовала и сомнительная с точки зрения корректности эмоциональная фраза: «Чувство чести и патриотизма не позволяет немецким студентам спокойно воспринимать свою альма-матер в карикатурном образе какого-то двуязычного гермафродита»¹⁷³

¹⁷² **Максимиллиан Хубер** (Maximillian Huber) (12 февраля 1833–12 мая 1919) – учился в Грегорианском университете Рима философии и теологии, преподавал в Инсбруке. Автор трудов по межрегиональному праву, теологии и спиритизму.

¹⁷³ Andreas Bösch. Zwischen Kaiser Franz Joseph I. und Schönerer... S. 118.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.